

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

ОСЕНЬ — ЗИМА

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

<i>И.Ф. Попова.</i> И.А. Орбели в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР	5
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> И.А. Орбели и курдская филология	15

ПУБЛИКАЦИИ

Танский политический трактат из Дуньхуана. Предисловие и перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>	22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие и перевод с тангутского языка <i>Е.И. Кычанова</i>	38
<i>Аракава Синтаро.</i> О рисунке тангутского «камнемета», хранящемся в ИВР РАН	44
<i>Самань куварань-и битхэ</i> («Шаманский двор»). Перевод с маньчжурского языка и предисловие <i>Т.А. Пан</i>	52

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О.М. Чунакова.</i> Парфянские личные имена: семантика и структура	65
<i>А.Л. Хосроев.</i> К толкованию некоторых понятий в так называемом «Трехчастном трактате» (<i>Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22</i>)	75
<i>З.А. Юсупова.</i> Письменные памятники как источник изучения курдского языка: «Диван» Ранджури (на диалекте горани)	96
<i>Ж.С. Мусаэлян.</i> Курдская рукопись середины XIX в. из Архива Востоковедов ИВР РАН	115
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Божественное созидательное начало в авраамических религиях	133
<i>В.Ю. Шелестин.</i> Паритетные договоры царей Кишувадны	156
<i>Вэй Ин-чунь.</i> О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской коллекции (перевод с китайского языка <i>И.Ф. Поповой</i>)	183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-‘Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.** Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
В.И. Мартынюк
Е.И. Крошкина
Е.А. Пронина

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН, 2012

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

2₍₁₇₎

autumn – winter
2012

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

To the 125th Anniversary of
Academician I. A. Orbeli

<i>I.F. Popova</i> . I. A. Orbeli at the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR	5
<i>J.S. Musayelyan</i> . I. A. Orbeli and Kurdish Philology	15

PUBLICATIONS

A Tang Dynasty Political Treatise from Dunhuang. Introduction and Translation from the Chinese Language by <i>I.F. Popova</i>	22
Documents from Khara-Khoto concerning a Loan of Grain. Introduction and Translation from the Tangut Language by <i>E.I. Kychanov</i>	38
<i>Arakawa Shintaro</i> . On the Draft of a Tangut “Stone Launcher” Preserved in the Oriental Manuscripts Institute, Russian Academy of Sciences	44
<i>Saman kûwaran-i biṯhe</i> (The Shaman Court). Introduction and Translation from the Manchu Language by <i>T.A. Pang</i>	52

RESEARCH WORKS

<i>O.M. Chunakova</i> . Parthian Personal Names: Semo-Syntactical Structure	65
<i>A.L. Khosroyev</i> . On Some Obscure Terms in the “Tractatus Tripartitus” (<i>Nag Hammadi Codex</i> I. 5: 109.21–110.22)	75
<i>Z.A. Yusupova</i> . Literary Monuments as a Source for Studying the Kurdish Language: The “Divan” by Rencuri (Mela ‘Umer Zengine)	96
<i>J.S. Musayelyan</i> . A Mid-19 th Century Kurdish Manuscript from the Personalia Archive of the Institute of Oriental Manuscripts	115
<i>Y.A. Ioannesyan</i> . The “Divine Creative Principle” in Abrahamic Religions	133
<i>Vladimir Shelestin</i> . The Parity Treaties of Kizzuwatna	156
<i>Wei Ying-chun</i> . On Дх-234 Fragment from the Russian Dunhuang Collection (Translation from the Chinese Language by <i>I.F. Popova</i>)	183

“Nauka”
“Vostochnaya Literatura”
Publishers
2012

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- O.P. Scheglova.* Booksellers' Role in the Development of Lithographic Book-Printing (19th – First Decade of 20th Century) 195
- D.G. Kukeev.* On Some Trends in Modern Historiography of the Zhungar Khanate 210
- M.A. Musaev, Sh.Sh. Shikhaliev.* Sainly Miracles of the Saints in Sufi Arabic-Language Biographical Works of the Dagestanees Shaykhs from the Beginning of the 20th Century 218
- Pavel Teptyuk.* "The Legal Maqāma" of al-'Abbās (Manuscript B 66, IOM RAS) 233
- A.M. Kabanoff.* The Impact of Chinese Culture on Medieval Japan: Zen Buddhist Poetry 241

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- K.M. Bogdanov.* The Cataloguing of IOM RAS Tangut Fund: History, Problems and Prospects 269
- K.G. Marandjian.* Dmitry Pozdneeff (1865–1937): Sketch of the Portrait of a "Cultural Vagabond" 281
- S.I. Marakhonova.* The Russian Japonologist Serge Elisseeff in Harvard 304
- A.Y. Borisov, A.P. Rytin, N.V. Yushmanov.* History of the Department of Semito-Hamitic Philology (Museum of St. Petersburg University History. Fund FIK, Folder 127, Sheets 52–67). Preface and Publication by *G.Ch. Kaplan* 315

ACADEMIC LIFE

- O.M. Chumakova.* The International Symposium Celebrating the 125th Anniversary of Academician I. A. Orbeli (Yerevan-Tsakhkadzor, October 13–16, 2012) 327
- I.V. Kulganek.* The Fifth Scientific-Practical Conference "Travels to the Orient–2011" 331
- A.H. Yulgusheva.* The 34th Annual Session of Saint-Petersburg Arabists 334
- V.P. Ivanoff.* The 33rd Zograff Readings (May 16–18, 2012, Saint Petersburg). The Problems of the Traditional Indian Text Interpretation 337
- Yu.V. Boltach.* The 5th Dorjiev Readings "Buddhism and the Modern World" (June 13–15, 2012, Saint Petersburg) 340
- N.O. Chehovich.* The Exhibition of the Collection of Academician Nikolay Lihachev 343
- I.F. Popova.* "The Tanguts and Central Asia" International Conference 345

REVIEWS

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*I.V. Gerasimov*) 348
- Indian Philosophy: Encyclopedia. Ed. by M. T. Stepaniants. Inst. of philosophy, RAS. (*S.L. Burmistrov*) 353
- Philosophy of Buddhism: Encyclopedia. Ed. by M.T. Stepanyants. Inst. of Philosophy, RAS. (*M.I. Vorobyova-Desyatovskaya, E.P. Ostrovskaya*) 357

IN MEMORIAM

- Anait Georgievna Perihanian (1928–2012) (*O.M. Chumakova*) 364

О.М. Чунакова

**Международный симпозиум,
посвященный 125-летию со дня рождения
академика Иосифа Абгаровича Орбели**
(Ереван–Цахкадзор, 13–16 октября 2012 г.)

С 13 по 16 октября 2012 г. в Армении прошел Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели (1887–1961). Его организаторами явились Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения (НАН РА) и Институт востоковедения НАН РА. В симпозиуме приняли участие ведущие ученые из Еревана, Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Алматы, Парижа, Лейдена, Лос-Анджелеса и других городов. Рабочими языками симпозиума были армянский и русский.

Прочитанные доклады были посвящены самым разным областям науки, которые нашли отражение в работах академика И.А. Орбели, а именно археологии, материальной культуре, эпиграфике, этнографии, фольклористике, арменистике, иранистике.

Открытие симпозиума состоялось в Ереване, в Зале заседаний НАН РА. С вступительным словом к участникам обратился президент НАН РА академик Р.М. Мартиросян. С приветствиями выступили директор Института археологии и этнографии НАН РА П.С. Аветисян, директор Института востоковедения НАН РА Р.А. Сафряян и зарубежные участники симпозиума: от Института археологии РАН — член-корреспондент РАН Р.М. Мунчаев, от Института востоковедения РАН — руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья А.К. Аликберов и от Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН — ведущий научный сотрудник М.С. Гаджиев.

Большинство докладчиков двух пленарных заседаний посвятили свои выступления анализу научных достижений И.А. Орбели. Об этом говорили: Г. Арешян (Лос-Анджелес) в докладе «И.А. Орбели и наука XXI века», В.А. Захаров (Москва) в докладе «История Кавказской Албании в исследованиях академика И.А. Орбели (К проблеме искажения истории Армении и Арцаха в Азербайджане)», В.Б. Бесолов (Алагир) в докладе «Академик И.А. Орбели и его вклад в историю пластических искусств стран Переднего Востока (к 125-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти представителя петербургской школы отечественного востоковедения Иосифа Абгаровича Орбели)», С. Амаякян (Ереван), выступивший с докладом «Археологические исследования И.А. Орбели в Ване», А. Палатян (Париж) в докладе «Очерк эпиграфики Ани», Г. Саргсян (Ереван) в докладе «Эпиграфическое наследие И.А. Орбели», А. Шагинян (Санкт-Петербург) в выступлении «Достижения университетского востоковедения в Санкт-Петербурге в самом начале научной деятельности И.А. Орбели». В этот же день с докладом «Северная Месопотамия в свете исследований российской археологии» о результатах раскопок Телль Хазны I, позволяющих решить

© Чунакова О.М., 2012

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

многие вопросы археологии сирийской Джебзир, выступил Р.М. Мунчаев (Москва); с докладом «Роль ислама в процессах деэтнизации Аррана в VII–XII вв.» по материалам арабских источников выступил А.К. Аликберов (Москва); с докладом «Собака и лошадь. Сюжет создания человека у степных индоевропейцев» о сходных версиях сюжета у индоевропейцев и контактирующих с ними этносов выступил Ю.Е. Березкин (Санкт-Петербург). Доклад А. Симоняна (Ереван) «„Храм огня“ в Шенговите» был посвящен результатам археологических раскопок, в ходе которых обнаружена храмовая постройка IV тысячелетия до н.э. Особый интерес и бурную дискуссию вызвало последнее выступление пленарного заседания, а именно доклад В. Казаряна (Ереван) «Проект общекавказского алфавита», в котором на базе проведенных автором фонологических исследований были предложены два сходных базовых алфавита для западнокавказского и восточнокавказского языковых семейств.

Последующие заседания симпозиума проходили в городе Цахкадзор, в котором находится Дом-музей братьев Орбели. Тема докладов второго дня заседаний — «И.А. Орбели — ученый и организатор науки». В этот день были заслушаны доклады директора Дома-музея Г. Мкртчяна (Цахкадзор) «Братья Орбели», посвященный в том числе истории создания музея; И. Гарибяна (Ереван) «Археологическая деятельность И.А. Орбели в 1905–1920-х годах»; С. Варданян (Ереван) «И.А. Орбели как исследователь фольклора»; Д. Кертменджяна (Ереван) «Материалы исторического градостроительства в научном наследии академика И.А. Орбели»; К. Аветян (Ереван) «Журнал „Христианский Восток“ и И.А. Орбели». Е.Ю. Басаргина (Санкт-Петербург) в докладе «Личный фонд академика И.А. Орбели в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН» рассказала о документах фонда (всего 1923 дела), отражающих основные направления научной и научно-организационной деятельности И.А. Орбели.

Темой докладов двух заседаний следующего дня симпозиума стала история искусства и архитектуры. На этих заседаниях были заслушаны доклады А.М. Лидова (Москва) «Иеротопия, пространственные иконы и перформативное в восточнохристианской культуре», в котором говорилось о концепции иеротопии — науке о сакральном пространстве; М.С. Гаджиева (Махачкала) «„Даг-бары“ — Великая Кавказская стена — выдающийся памятник архитектуры» об оборонительном комплексе Дербента как вершине фортификационного зодчества сасанидского Ирана; А. Казаряна (Москва) «Реконструкция Багаванского храма по описанию, обмеру и фотографиям И.А. Орбели» об одной из первых четырехстолпных крестовокупольных построек VII в.; Э. Хуршудяна (Алматы) «Сасанидская торевтика Армении» о сюжете с медведем на чаше из Нор-Баязета (Гавара); Ф. Тер-Мартirosяна (Ереван) «Рельефный декор храма Ахтамар» о символике изображений церкви Святого Креста (X в.) на острове Ахтамар, которые могут содержать конкретный изобразительный текст; О. Закаряна, Р. Тарумяна (Ереван) «Об армянском происхождении так называемых „сельджукских сталактитовых сводов“». Вкладу И.А. Орбели в изучение армянской средневековой архитектуры и искусства были посвящены доклады Г. Петросяна (Ереван) «И.А. Орбели и современное состояние изучения фигуративного рельефа на хачкарах Арцаха», А. Жамкочяна, Н. Акопян (Ереван) «Печати и буллы со штампами креста (И.А. Орбели и сасанидское искусство)». На третьем заседании этого дня с докладами по фольклористике выступили ученые из Еревана А. Аревшатян («Античные мифы и теория музыкального этоса в армянских средневековых источниках»), Н. Дилбарян («Языческие и христианские термины в армянских топонимах»), А. Амаякян («О некоторых общностях в хеттских и армянских верованиях, касающихся поклонения солнцу»), Г. Харатян («„Я — дерсимец“: маневрирование

идентичности среди алевизированных армян Дерсима»). На четвертом заседании, посвященном диалектологии и лингвистике, были заслушаны доклады В. Амбарцумяна (Ереван) («Вклад И.А. Орбели в научном исследовании моксского диалекта»), Г. Мартиросяна (Лейден) («Особенности развития моксского диалекта»), Ж. Микаелян (Ереван) («Моксские армяне по наблюдениям И.А. Орбели (язык, фольклор)») и Ц. Арутюнян (Ереван) («Структурно-семантические особенности армянских реликтов индоевропейского гетероклитического склонения»).

Четвертый, последний день заседаний начался с докладов по археологии. С.Н. Корневский (Москва) выступил с сообщением «Майкопско-новосвободненская общность в аналогиях вещей из бытовых и погребальных памятников с югом и севером (символы жилищ)», в котором, в частности, рассказал о приставках-алтариках к очагу как о символах богини-хранительницы и плодородия. Н.И. Сударев (Москва) в докладе «Новые открытия Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН» показал, что большая часть отличий в погребальных обрядах греков Боспора не детерминирует греков и варваров, а является разницей в обрядах различных греческих городов. Два других доклада на этом заседании сделали А. Айрапетян (Ереван) («Новые исследования в Шенгавитском поселении: попытка реконструкции функционального назначения постройки») и А.Ю. Скаков (Москва) («Археология в Абхазии на рубеже XX–XXI вв. Проблемы и перспективы»). Второе заседание последнего дня симпозиума было посвящено армянской филологии, источниковедению и эпиграфике. На нем были заслушаны доклады М. Ширинян (Ереван) «О названии „Звартноц“»; А. Бозояна (Ереван) «Взаимоотношения государства и католикосата в Киликийской Армении (домонгольский период)»; А. Акопяна (Ереван) «Расшифровки И.А. Орбели надписей Хачена: век спустя» о надписях долины Хачен в Арцахе, впервые прочитанных И.А. Орбели в 1909 г.; Г. Мурадян (Ереван) «Кадм в греческих мифах и в армянской средневековой традиции» об основателе греческих Фив, вошедшем в генеалогию армянского народа. Был также зачитан доклад А. Узунян и К.-А. Мутафяна (Париж) «Надпись „отца царя“ Константина Хетумяна в Папероне», в котором предложено новое чтение надписи 1241 г., найденной в крепости Паперон (Киликия).

На последнем заседании симпозиума были прочитаны востоковедческие доклады. Доклад О.М. Чунаковой (Санкт-Петербург) «Манихейские рукописи на иранских языках в собрании Института восточных рукописей РАН» был посвящен новому изданию манихейских рукописей: И.А. Орбели, будучи первым руководителем ЛО ИВ АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей), воссозданного в 1956 г., уделял особое внимание публикации и научному исследованию рукописных памятников. А.Л. Хосроев (Санкт-Петербург) в докладе «К толкованию некоторых темных слов в коптских гностических текстах» предложил новое толкование одного понятия из гностического валентинианского сочинения «Трехчастный трактат». А. Козмоян (Ереван) в докладе «Проблема культурных взаимовлияний в ирановедческих изысканиях И.А. Орбели» показала, что квинтэссенцией этих изысканий И.А. Орбели является подчеркивание роли взаимовлияний Востока и Запада, исламского и христианского миров при сохранении специфических и особенных черт, присущих каждому народу. Доклад А. Варданяна (Ереван) «К некоторым аспектам аббасидской администрации в „Армении“ в первые годы халифата Харун ар-Рашида (786–809)» был посвящен выяснению условий и последствий достигнутого компромисса между Харун ар-Рашидом и его братом ‘Убайдаллахом.

Закрыв симпозиум один из его организаторов, заведующий отделом Христианского Востока Института востоковедения НАН РА А. Акопян, в заключительном слове

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

высоко оценивший диапазон и научный уровень прочитанных докладов. Тезисы докладов симпозиума опубликованы.

Участникам симпозиума была предложена интересная познавательная программа. В Ереване им была предоставлена возможность ознакомиться с богатейшей коллекцией древних рукописей Матенадарана, Института древних рукописей имени св. Месропа Маштоца, в Цахкадзоре — посетить Дом-музей братьев Орбели и Кечарисский монастырский ансамбль (XI–XIII вв.), в селе Бжни — посетить церковь Святой Богородицы (Сурб Аствацацин) (IX в.). В последний день была организована поездка в основанный в IV в. Севанский монастырский комплекс на полуострове (некогда — острове) озера Севан, где сохранились постройки IX в.

Прошедший в Ереване Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика И.А. Орбели, еще раз подтвердил непреходящее значение работ выдающегося ученого и организатора науки. Симпозиум также позволил специалистам из разных исследовательских институтов обсудить актуальные научные вопросы и способствовал плодотворному сотрудничеству между учеными.

И.В. Кульганек

Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011»

12 марта 2012 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась Пятая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток–2011». Организаторами ее выступили Отдел Центральной и Южной Азии (зав. отделом — С.Г. Кляшторный) и Отдел Дальнего Востока (зав. отделом — Т.А. Пан). На конференции были заслушаны сообщения сотрудников Института восточных рукописей РАН, Института востоковедения РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Института лингвистических исследований РАН, Государственного музея истории религии, Российского этнографического музея о командировках в изучаемые регионы. На заседании было обсуждено около десяти докладов, каждый из которых сопровождался фото-, аудио- и видеоматериалами.

Выступление д.ф.н. К.В. Орловой (ИВ РАН, Москва) «Монастырь Манджушри в Монголии» было посвящено одному из сакральных мест в Монголии — монастырю Манджушри, расположенному в местности Сэргэлэн, в 4 км от г. Дзун мод, административного центра Центрального аймака Монголии. Основанный в 1733 г. на месте одинокой обители монаха-отшельника, расположенный на южном склоне священной горы Богдо-ула на высоте 1800 м над уровнем моря, в настоящее время он является заповедной зоной, привлекает большое количество экотуристов и входит в реестр обязательных пунктов туризма по религиозно-буддийским и сакральным местам Монголии.

Сообщение М.П. Петровой (СПбГУ) «Еще раз о Гоби» касалось итогов экспедиции, предпринятой в августе 2011 г. Ю.И. Елихиной (Гос. Эрмитаж), С.Н. Канот (выпускник Восточного факультета СПбГУ), М.П. Петровой (СПбГУ) и Е. Петровой (ученицей средней школы № 553 Санкт-Петербурга). Путешественники побывали в Восточно-Гобийском аймаке Монголии. В центре аймака — г. Сайншанде они осмотрели музей-заповедник ламы, поэта и просветителя XIX в. Д. Равджи (1806–1853) и памятник этому знаменитому уроженцу края, установленный при входе в центральный парк, а также посетили буддийский монастырь Хамарын хийд (80 км от Сайншанда), основанный им в XIX в.

Большой интерес вызвало совместное выступление П.О. Рыкина (ИЛИ РАН) и Н.С. Яхонтовой (ИВР РАН) «Путешествия в западные районы Центральной Монголии». Речь в нем шла о поездке в августе 2011 г. в западные районы Центральной Монголии — Центральный, Булганский и Архангайский аймаки, богатые историко-археологическими памятниками. В докладе был вкратце изложен маршрут поездки и охарактеризованы основные достопримечательности этих мест (развалины монастыря Увгун хийд, городище Хар бухын балгас, орхонские памятники, городище Хар балгас, Хархорин и Эрдэни Дзу, наскальные надписи Цогту-тайджи).

И.В. Кульганек (ИВР РАН) свое сообщение «Прихубсугулье — песенный край Монголии» посвятила красивейшим местам близ озера Хубсугул, которое сами монголы называют сердцем Монголии. Докладчиком были показаны фотографии и видеоролики о прилегающих к озеру землях, издавна привлекавших человека. По этим местам в августе 2011 г. прошел маршрут фольклорной экспедиции, организованной Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в которой приняла участие И.В. Кульганек (руководитель экспедиции — Л.С. Дампилова, участники — сотрудник ИМБТ СО РАН Б.С. Дугаров и сотрудник Института исследования кочевых цивилизаций АН Монголии П. Чултэмсурэн). Целью экспедиции стала характеристика исторической, языковой памяти, песенного фольклора бурят, живущих в Прихубсугулье. Сотрудники экспедиции осмотрели места компактного проживания бурят: поселки Цаган Урь, Тосонцэнгэл, Мурэн, монастырь Даян Дэрх, основанный бурятами на северо-западе аймака среди труднодоступных скалистых гор, а также сомонный центр Хатгал, расположенный на южной окраине Хубсугула и ставший местом международного и национального туризма.

Сообщение С.В. Романовой (РЭМ) «Этнографическая экспедиция РЭМ в Тыву» привлекло внимание присутствующих обилием редких фотографий, запечатлевших этнографические особенности жизни населения края. В ходе экспедиции научных сотрудников Российского этнографического музея С.В. Романовой и Е.А. Андреевой в Республику Тыва летом 2011 г. были обследованы Эрзинский, Тоджинский и Монгун-Тайгинский районы. Особо были выделены С.В. Романовой темы «праздник Надым» и «современное состояние буддизма и шаманизма в районах Тывы».

В.Н. Мазурина (ГМИР) рассказала о своем путешествии по долине Катманду в октябре 2011 г., в то время когда непальцы отмечали Дашайн — один из самых важных праздников годового цикла. За три недели ей удалось посетить храм Дакшин («Южная») Кали — место паломничества индуистов всего субконтинента, старинные буддийские монастырские комплексы, наблюдать ритуал поклонения живой богине Кумари. Впечатления от этого ритуала и дали название сообщению В.Н. Мазуриной — «Непал — страна живой богини».

О своей поездке в Японию и знакомстве там с этнографической деревней Мияма (преф. Киото) рассказала Ю.И. Елихина. Докладчиком был продемонстрирован внушительный объем фотографий о третьей по размеру в Японии деревне подобного типа и дана характеристика поселения. В частности, было отмечено, что для жителей деревни характерен традиционный уклад: сельское хозяйство и рыбная ловля. В деревне действуют два музея: этнографический, в котором представлен быт сельских жителей, и музей индиго, где показан весь процесс окраски тканей. Здание музея построено в начале эпохи Эдо (1603–1868). Дома имеют соломенные крыши. На окраине деревни, в горах расположен синтоистский храм XVIII в.

Выступление В.В. Щепкина (ИВР РАН) «Айнские места на Хоккайдо» касалось его поездки на японский остров Хоккайдо в январе 2012 г. Докладчик рассказал о посещении городов Саппоро и Отару, а также Музея айнской культуры в Сираои.

И.Р. Каткова (ИВР РАН) в докладе «Суфийские братства Западной Суматры (по материалам путешествий 2008–2011 гг.)» рассказала о проводившихся в 2008–2011 гг. на Западной Суматре исследованиях коллекций рукописей двух суфийских братств, Шаттарийа и Накшбандийа, включающих в себя изучение истории рукописной традиции в данном регионе, а также оцифровку некоторых сочинений по мистическим учениям обоих братств и истории проникновения ислама в регион.

В заключение заседания состоялась презентация сборника «Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Четвертые Доржиевские чте-

ния» (СПб.: Нестор-История, 2011), включающего материалы данных чтений, прошедших с 3 по 10 августа 2010 г. Представила издание ведущий редактор сборника зам. президента Санкт-Петербургского благотворительного общественного фонда «Общество бурятской культуры Ая-Ганга» Ц.А. Сумбуева, которая отметила неослабевающий интерес к личности видного бурятского буддиста и общественного деятеля Агвана Лобсана Доржиева, а также важность для России тематики, связанной с буддизмом.

Прошедшая конференция еще раз подтвердила высокий профессиональный уровень отечественных ученых, исследующих религию, философию, историю, литературу и искусство Востока, их заинтересованность в постоянном личном контакте с изучаемыми народами, а также их стремление глубже понять этнополитические и исторические процессы, происходящие на современном этапе в мировом культурном пространстве.

Важность ежегодной научно-практической конференции «Путешествия на Восток», проводимой в ИВР РАН, определяется возможностью, которую она дает выступающим, поделиться результатами своих экспедиций, представив фото- и видеорепортажи о посещаемых местах. Специалисты получают наглядное представление об интересующих их районах и людях, проживающих на исследуемых коллегам территориях.

А.Х. Юлгушева

XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов

9 и 11 апреля 2012 г. состоялась XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов, посвященная светлой памяти А.Б. Халидова (25.II.1929 — 1.XII.2001) и П.А. Грязневича (19.IX.1929 — 12.II.1997). Местом ее проведения был избран сектор Ближнего Востока, точнее, легендарный Арабский кабинет им. академика И.Ю. Крачковского, открытый после долгого ремонта. Регулярно проводимые в стенах ИВР РАН сессии петербургских арабистов способствуют сохранению и развитию славных традиций классической арабистики. Так случилось, что арабистика, в прошлом являвшаяся одной из самых развитых ветвей востоковедения в городе на Неве, сегодня сдала некогда занимаемые ею позиции. В связи с этим одной из первоочередных задач сессий петербургских арабистов является содействие восстановлению былого положения арабистического направления петербургской востоковедной науки. Сессии дают прекрасную возможность ученым-арабистам, как отечественным, так и зарубежным, представляющим различные исследовательские направления арабистической науки, ознакомить коллег со своими научными разработками.

В программу XXXIV сессии петербургских арабистов было включено 23 доклада, также был прочитан один доклад сверх программы. В течение каждого дня работы сессии проводились два заседания, утреннее и дневное, начинавшиеся соответственно в 11 и 15 часов. На них председательствовали д.и.н. доцент С.А. Французов (сектор Ближнего Востока ИВР РАН), д.и.н. профессор О.Г. Большаков (сектор Ближнего Востока ИВР РАН), д.ф.н. А.Г. Белова (отдел языков ИВ РАН, Москва), к.и.н., зам. директора ИВР РАН по научной работе С.М. Прозоров.

Открыл сессию О.Г. Большаков, передав председательство в Оргкомитете сессии петербургских арабистов С.А. Французову, выступившему со вступительным словом. Первый по программе доклад «Ландшафт в лексике доисламского поэта» представила московская гостья, выпускница Восточного факультета ЛГУ, А.Г. Белова. В ее докладе была рассмотрена лексика касыды великого доисламского арабского поэта Шанфары, были подвергнуты сравнительно-этимологическому анализу с привлечением однокоренных слов из семитских языков и диалектов Центральной Аравии такие лексемы, как 'гора', 'вершина горы', 'крутая вершина', 'склон горы', 'пустынное пространство', 'равнина', 'пустыня', 'лощина', 'долина', 'русло потока'. Следующим выступил неперемный участник сессий д.ф.н. профессор В.С. Храковский (лаборатория типологического изучения языков ИЛИ РАН), рассмотревший в докладе «Аппликативная деривация в арабском языке» нестандартные синтаксические конструкции арабского языка, в которых использованы некоторые породы арабского глагола. Большой интерес аудитории вызвал доклад О.Г. Большакова «О некоторых арабских заимствованиях в русском языке», в котором помимо общеизвестных арабских заимствований (адмирал, азимут, зенит) были приведены и весьма неожиданные, такие как арсенал (دار الصنّاعة), бакалавр (بحقّ الرواية), гусар (حصّار) и многие дру-

гие. Доклад «Мусульманская Сицилия в русской историографии», представленный к.и.н. Дж.И. Месхидзе (отдел европейстики МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), был посвящен отражению истории мусульманской Сицилии в русской историографии. В сообщении «Трансаравийская торговля ладаном в конце I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э.: морской и сухопутный пути» А.С. Матвеев (н.с. Восточного факультета СПбГУ) показал малозаметные стороннему наблюдателю связи между прекращением торговли ладаном и политическими процессами, происходившими на территории Аравии в те времена. Завершающий утреннее заседание доклад «Работы по Аравии западноевропейских исследователей и путешественников XVII–XIX вв. в фондах библиотеки ИВР РАН» представила к.ф.н. Э.С. Русинова (отдел Библиотеки РАН при ИВР РАН), рассказав о западноевропейских путешественниках, которым довелось побывать в Аравии и задокументировать историю своих странствий по Аравийскому полуострову.

Дневное заседание XXXIV ежегодной сессии петербургских арабистов открыл С.А. Французов, представив доклад «Некоторые проблемы реконструкции средневековой истории Йемена: династии Зийадидов и Махдидов». Он рассказал о сложностях, с которыми сталкивается исследователь средневекового Йемена при попытке восстановления перипетий правления его ранних династий. «Проект „Документы из Хадрамаута, 1904–1951: результаты и перспективы“» прочитал д.и.н. профессор М.А. Родионов (отдел Юго-Западной и Южной Азии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), предоставив слушателям возможность взглянуть в недавнее прошлое Йемена. Следующие два доклада представили гости с кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. К.и.н. М.Ю. Илюшина выступила с докладом «Ближайшее окружение Кансуха ал-Гури (1501–1516) (по материалам хроники Ибн Ийаса)», в котором осветила некоторые детали, связывающие события египетской истории с определенными личностями, ее непосредственными участниками. К.ф.н. доц. И.В. Герасимов в докладе «Предметы одежды в сочинении Ибн Дайфаллаха „Табакат“» рассмотрел встречающиеся в сочинении описания предметов одежды, взглянув на этот уникальный памятник письменного наследия Судана со стороны материальной культуры и представив, таким образом, этнографическую составляющую сочинения. Изобразительное искусство на сессии арабистов нашло отражение в докладе Ю.А. Пятницкого (с.н.с., Отдел Востока Гос. Эрмитажа) «Коллекция арабо-христианских икон Эрмитажа». Завершила первый день сессии аспирантка сектора Ближнего Востока ИВР РАН И.С. Игнатъева, представившая доклад «Свидетельства древнейших христианских авторов об истории ранней маронитской общины в интерпретации традиционной маронитской историографии (по рукописи С 2462 из собрания ИВР РАН)».

Утреннее заседание 11 апреля началось с сообщения д.и.н. Д.В. Микульского (отдел памятников ИВ РАН, Москва) «А‘йан Димашк (Знаменитые люди Дамаска) шейха Мухаммада б. Джамила аш-Шатти: традиционный биографический сборник, составленный в XX в.». Доклад «Сны в просопографических словарях ханбалитов» представил докторант отделения ближневосточных исследований Мичиганского университета (г. Анн Арбор, США) М.Г. Романов, рассказав о снах (манам, манама) в традициях ханбалитов. Следующий доклад «New Light on the Anonymous “Story of Salaman and Ibsal”» прозвучал на английском языке; его представила докторантка Токийского университета Нобуко Морисита, которая в настоящее время является стажером ИВР РАН. Еще одна московская гостья, к.ф.н. Л.В. Горяева (отдел памятников ИВ РАН, Москва), предметом исследований которой является бытование ислама в Юго-Восточной Азии, представила доклад «Малайский дидактический

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

трактат начала XIX в. ‘Арш ал-мулук ‘Абдуллаха ал-Мисри». Постоянный участник сессий петербургских арабистов к.и.н. Назим Маджид ад-Дейрави (Независимый русско-арабский культурный центр), занимающийся переводом стихов русских поэтов, в основном Серебряного века, на арабский язык, выступил с сообщением «Стихотворения Валерия Брюсова „Ассирийская надпись“, „Египетский раб“: перевод на арабский и комментарии». Д.и.н. А.К. Муминов (Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан; Fulbright Visiting Scholar, Indiana University (Bloomington, USA, September 2011 — June 2012)) присутствовал на сессии заочно; его доклад «Значение сочинения ал-Кафави для ханафитского мира» зачитал С.А. Французов.

Заключительное, дневное, заседание 11 апреля открыло выступление А.Г. Маргаряна (глава по Ближнему Востоку и Северной Африке, фонд «Петербургский международный экономический форум») «Концепция интерактивной платформы по работе с цифровыми рукописными/печатными памятниками Востока в веб-пространстве». Докладчик представил концепцию, разработанную в ходе работы над диссертационным исследованием. Новизна концепции, по его словам, заключается в том, чтобы объединить людей, занятых восточным источниковедением, в единой виртуальной аудитории. Доклад аспиранта сектора Ближнего Востока П.С. Теплюка «Законоведная макама ал-Харири и макамы ал-‘Аббаса. Незученный ранее сборник макама ал-‘Аббаса из рукописного собрания ИВР РАН докладчик исследует в своей диссертации. Московская гостья к.ф.н. Э.А. Али-Заде (ИВ РАН, Москва) продолжила литературоведческую тематику в докладе «Русско-арабские литературные связи. История взаимоотношений И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого в интерпретации египетского литератора Йахьи Хакки», рассказав о взаимоотношениях великих русских писателей с точки зрения египтянина ал-Хакки, не владевшего русским языком и читавшего их переписку на языке-посреднике. К.ф.н. Р.Г. Мамедшахов (кафедра арабской филологии Восточного факультета СПбГУ) представил доклад «Редупликация в арабском литературном языке», сообщив, что в исследованиях подобного рода выявляются фонетические закономерности, которые позволяют лучше понять морфологию. Доклад «Некоторые вопросы генезиса и развития космологических идей в раннем суфизме» к.филос.н. П.В. Башарина (РГГУ, Москва) был представлен сверх программы. Заключительный доклад на сессии петербургских арабистов «Из писем П.А. Грязневича к В.Ф. Минорскому» представил сотрудник Государственного Эрмитажа В.М. Дзевановский, сферой научных интересов которого является история отечественного востоковедения.

Таким образом, в XXXIV сессии петербургских арабистов принимали участие трое представителей зарубежных исследовательских учреждений, а также пять московских гостей; в числе петербургских участников сессии присутствовали прежде всего представители Восточного факультета СПбГУ и МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, сотрудники Государственного Эрмитажа и представители других востоковедных центров города.

В.П. Иванов

**XXXIII Зографские чтения.
Проблемы интерпретации традиционного
индийского текста**

(16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург)

С 16 по 18 мая 2012 г. внимание российского индологического сообщества было привлечено к проходившим в ИВР РАН, на Философском и Восточном факультетах СПбГУ, а также в МАЭ РАН XXXIII ежегодным Зографским чтениям. На конференции были заслушаны доклады по различным аспектам культуры индийского региона: литературе древней и средневековой Индии, индийской мифологии, философии, этнографии, рукописному наследию и пр. Как и в прошлые годы, конференция показала, что традиция отечественной академической индологии продолжает существовать и успешно развиваться. На конференции выступали известные ученые и молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Ижевска, Калининграда, Пензы, гости из Киева и Вильнюса. С приветственной речью к гостям конференции обратились директор ИВР РАН д.и.н. И.Ф. Попова и Генеральный консул Индии в Санкт-Петербурге г-н Вишваса Сапкала. В первый день для гостей была проведена экскурсия по музею ИВР РАН. Известный петербургский индолог Я.В. Васильков — неизменный участник и вдохновитель всех конференций «Зографские чтения» — представил коллегам вышедший очередной, второй выпуск «Зографского сборника», где публикуются материалы прошедших конференций.

В первый день чтений, проходивших на базе ИВР РАН, в центре внимания оказались вопросы языка и интерпретации комплекса литератур древней Индии, а также отдельные вопросы религиозно-философского содержания. Вначале был заслушан доклад литовского санскритолога В. Видунаса, который в своем выступлении раскрыл этимологию слова *атман* в «Ригведе». Ю.М. Алиханова, специалист по классической санскритской литературе, рассказала о сюжетах поэтического эпоса «Рамаяна» в индийской драме Бхавабхути. Индолог из Санкт-Петербурга В.П. Иванов в своем докладе остановился на теоретических и практических аспектах понятия *прана* у философов и религиозных практиков средневекового Кашмира. Московский же исследователь Н.А. Корнеева дала характеристику композиции и содержания древнего санскритского памятника «Апастамба-дхармасутра». О.Н. Ерченков, исследователь из Ижевска, проследил за преемственностью идей ведийской традиции и традиции кашмирских тантриков, отраженных в источнике «Шива-сутра». Гость из Калининграда А.А. Игнатев свое сообщение посвятил теме отражения древних ведийских мифов об Индре и Вритре в пуранической литературе. Знаток дравидийской литературы москвич А.М. Дубянский осветил мотив разлуки в тамильской литературе Индии. Литература юга Индии также стала предметом исследований ученого из Екатеринбурга П.В. Хрущевой. Она остановилась на интерпретации дискуссионного понятия *анангу* в тамильской литературе. Заключительные два доклада первого дня кон-

© Иванов В.П., 2012

ференции были посвящены рукописному наследию индийского культурного региона. В первом из них — докладе петербургского тибетолога А.В. Зорина — было раскрыто содержание неисследованного тибетского текста по культу Ваджрапани из собрания ИВР РАН. Второй доклад был представлен Е.Д. Огневой — исследователем с Украины — и посвящен тибетской рукописи из Калмыкии, как было установлено докладчиком, принадлежавшей известному польскому литератору и путешественнику Яну Потоцкому.

По сложившейся традиции утреннее заседание второго дня конференции было целиком посвящено философской проблематике. Доклады, число которых было значительно, представлялись на Философском факультете СПбГУ и, как всегда, вызвали живой интерес у всех интересующихся индийской философией. Эта часть конференции была открыта сообщением известного московского исследователя индийской философии В.Г. Лысенко, которая осветила вопросы гносеологии, отраженные в санскритском источнике «Веданта-парибхаша». Неизменный интерес вызывают выступления известного петербургского индолога А.В. Парибка. Темой его доклада были базовые модели мышления, лежащие в основе гносеонтологических схем философских школ древней Индии. Исследователь из Москвы С.В. Лобанов представил сообщение о специфике интерпретации отдельных положений «Бхагавадгиты» в сочинении Абхинавагупты «Гита-артха-санграха». Р.В. Псху, московский специалист по *вишишта-адвайта-веданте*, рассказала о герменевтическом подходе Г. Оберхаммера в его трактовке работ Рамануджи. Петербургский же исследователь С.В. Пахомов в своем сообщении остановился на отношении понятий *бхукти* и *мукти* в учениях индуистской тантры. Молодой исследователь из Москвы Л.И. Титлин рассказал о двух уровнях понимания термина *анатман* в раннем буддизме. Петербургский исследователь Б.И. Загуменов обозначил проблемы, касающиеся теории перевода восточных текстов. Гость из Пензы Т.Г. Скороходова остановилась на вопросе правомерности употребления термина «индуизм» и на смысловом наполнении этого понятия бенгальскими мыслителями XIX–XX вв. В конце этой части чтений В.Г. Лысенко представила участникам конференции новое объемное энциклопедическое издание «Философия буддизма: энциклопедия» (отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература, 2011) — плод сотрудничества многих специалистов из России и зарубежья, в числе которых были и некоторые присутствующие участники Зографских чтений.

После небольшого перерыва конференция продолжилась на Восточном факультете СПбГУ, где был представлен блок докладов литературоведческой тематики. С.О. Цветкова, индолог из Санкт-Петербурга, осуществила глубокий анализ средневековой поэмы «Падмават» Джаяси. Специалист по современной бенгальской поэзии петербуржец С.С. Донченко в своем выступлении обрисовал особенности бенгальского песенного жанра *бхатияли* (песни бенгальских лодочников). Московский исследователь Е.О. Акимушкина рассказала о «трансплантации» жанра *шахрашуб* персоязычной литературы в индийскую урдуязычную литературу. Молодой специалист из Санкт-Петербурга Л.А. Стрельцова в своем сообщении осветила состояние современной непальской поэзии, в частности, рассказала об одном из литературных течений в ней.

Третий день конференции проходил в стенах МАЭ РАН. Гостя из Ижевска С.В. Кардинская на примере одного из гимнов «Ригведы» проанализировала оппозицию сакрального и профанного в индийской культуре и древнеиндийской литературе. В.Ю. Крюкова из Санкт-Петербурга обнаружила ряд параллелей в образах осла и быка в иранской и индийской мифологиях. Петербургский исследователь М.Ф. Аль-

бедиль раскрыла сакральные аспекты образа сосуда в индийской культуре на примере тамильской буддийской поэмы «Манимехалей». Московский исследователь Д.Н. Лелюхин осветил вопросы устройства общества и государства в древнем Непале, а гость из Литвы В. Яскунас, основываясь на «Агни-пуране» и других древних санскритских текстах, рассказал о системе расположения изображений в вайшнавских храмах Индии. Петербургский индолог Я.В. Васильков в своем сообщении представил предварительные результаты исследования неварского буддийского иллюстрированного свитка из коллекции И.П. Минаева в собрании МАЭ РАН.

Во второй части заседания были заслушаны пять докладов: К.М. Воздиган из Санкт-Петербурга, базируясь на данных полевых исследований, рассказала о продолжающейся в наши дни традиции нанесения и освящения ритуальных росписей в Гуджарате. Петербургский исследователь Н.Г. Краснодембская представила сообщение об образе «юных» героев в культуре сингалов. В.Н. Мазурина говорила об индуистско-буддийском синкретизме в религиозной жизни Непала. Молодой петербургский исследователь К.А. Маретина рассказала о своем посещении Раджастхана и специфике календарной обрядности современных раджпутов. Московский исследователь индийского танцевального искусства С.И. Рыжакова в своем докладе остановилась на вехах развития традиционных форм индийского танца в новейшей истории и подняла вопрос о происхождении «бенгальского стиля» в индийском танце.

Конференция, на которой, как обычно, было представлено множество содержательных докладов, показала, что, как и прежде, в основе классических штудий отечественной индологии лежит прежде всего исследование текстуальных традиций индийского культурного ареала. В то же время следует отметить, что увеличилось число сообщений (особенно этнографической и антропологической направленности), базирующихся в первую очередь на полевых исследованиях, проведенных их авторами непосредственно в Индии и сопредельных странах. Безусловно, радует, что на конференции также выступают молодые исследователи, представляющие доклады, выполненные на высоком научном уровне.

Как ожидается, материалы этой конференции войдут в третий и четвертый тома «Зографского сборника», выпуск которых планируется осуществить в ближайшем будущем.

Ю.В. Болтач

Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»

(13–15 июня 2012 г., Санкт-Петербург)

Конференция «Доржиевские чтения» посвящена памяти основателя Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй Хамбо-ламы Агвана Лобсана Доржиева (1854–1938) — выдающегося бурятского буддиста, придававшего большое значение развитию сотрудничества между представителями академической науки и буддийскими учеными.

Пятые Доржиевские чтения были организованы Институтом восточных рукописей РАН, Буддийской традиционной Сангхой России и Санкт-Петербургским благотворительным общественным фондом «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*». Заседания конференции прошли в Институте восточных рукописей РАН и Государственном музее истории религии.

На открытии чтений, состоявшемся в Зеленом зале ИВР РАН, с приветствиями выступили акад. РАЕН, д.филос.н. А.О. Бороноев (председатель Оргкомитета), директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова, заместитель начальника департамента Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, к.филос.н. О.С. Королева, Хамбо-лама монастыря Тарвалин (Улан-Батор) Тулгаагийн Ариунболд и настоятель Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй Б.Б. Бадмаев.

На пленарном заседании были прочитаны доклады об истоках буддизма у тюрок в VI–VIII вв. (С.Г. Кляшторный, ИВР РАН), тексте Винаи из рукописи, найденной в Мерве (М.И. Воробьева-Десятовская, ИВР РАН), а также об институте «чанчжу» («постоянно живущих») в буддийских общинах государства Си Ся (Е.И. Кычанов, ИВР РАН).

Доклады, представленные в первый день работы конференции, были по преимуществу посвящены жизни и деятельности Агвана Доржиева, а также научным экспедициям в буддийские регионы. На заседании прозвучали сообщения, посвященные деятельности Агвана Доржиева в сакральных местах Трансбайкалья (С.Д. Сыртыпова, ИПЭЭ РАН), пребыванию Далай-ламы XIII в Монголии (Шагдарсүрэнгийн Сонинбаяр, Институт науки и культуры при монастыре Гандап, Улан-Батор), воспоминаниям окинских бурят об Агване Доржиеве (Б.С. Дугаров, ИМБТ СО РАН), документам буддийского храма в Петрограде, хранящимся в архиве Эрмитажа (Д.В. Иванов, МАЭ РАН), а также Хангайской экспедиции С.А. Кондратьева 1928 г. (И.В. Кульганек, ИВР РАН, и В.Ю. Жуков, СПбГАСУ), традиции буддийских паломничеств в Непале (Н.И. Неупокоева, независимый исследователь), монастырям Восточной Индии (А.В. Федорова, независимый исследователь) и дзэн-буддийским искусствам (Н.А. Субангулова, УрФУ).

К открытию конференции в ИВР РАН было приурочено проведение двух выставок: «Сакральная Азия» (фотографии путешественника В. Киплюкса) и «Тибетские

рукописи и ксилографы из фондов ИВР РАН» (организаторы А.В. Зорин и А.А. Сизова, ИВР РАН).

На второй день работа конференции продолжилась в Государственном музее истории религии. Тематика докладов была связана с рассмотрением буддизма как фактора общественной жизни стран Азии и проблемами возрождения буддийской традиции в России, а также с полевыми исследованиями, хранением и изучением памятников буддийской культуры. Прозвучали доклады о религиозном возрождении в современной Бурятии (Д.Д. Амоголонова, ИМБТ СО РАН), о документах по истории дацана Гунзэчойнэй, хранящихся в монгольских архивах (Норовцэрэнгийн Амгалан, Институт науки и культуры при монастыре Гандан, Улан-Батор), о бурятской и калмыцкой диаспоре Москвы (М.Г. Банаева, МЭФИ), о реставрации дацана Гунзэчойнэй (Б.Б. Бадмаев, Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй), о правоспособности буддийских дацанов Бурятии как некоммерческих юридических лиц (В.А. Шаглахаев, Централизованная религиозная буддийская организация Республики Бурятия «Майдар»), о преломлении идей западной философии в произведениях Б.Д. Дандарона (С.Л. Бурмистров, ИВР РАН), о межкультурном диалоге буддийских женщин в глобальном мире (Ж.А. Аякова, филиал НГУЭУ в г. Улан-Удэ), о буддийской бронзовой курьельнице, подаренной Санкт-Петербургскому дацану в 2011 г. (Ю.И. Елихина, Государственный Эрмитаж), о религиозной ситуации в Бурятии (Н.Ц. Хантургаева, ВСГУТУ), о Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха 1924–1928 гг. (Э.А. Томша, Санкт-Петербургское отделение Международного центра Рерихов), о буддийской коллекции Б.П. Сальмонта (В.Н. Мазурина, ГМИР), о буддийской коллекции Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в музеях Иркутска (Е.В. Асалханова, ИрГТУ), о буддийских культовых предметах в музейном пространстве (М.Ф. Альбедиль, МАЭ РАН), об истории буддийских центральноазиатских этнографических коллекций П.К. Козлова (М.Н. Кожевникова, СПбФ ИИЕТ РАН), о практике культурных заимствований между Южной Азией и Дальним Востоком (Н.Г. Краснодембская, МАЭ РАН), а также о жизненном пути Агвана Доржиева (Ю.Ц. Тыхеева, О.А. Шишмарева, ВСГУТУ). Заседание завершилось докладом О.С. Хижняк (ГМИР) «Структура буддийского храма и структура экспозиции Государственного музея истории религии», прочитанным непосредственно в залах музея.

В последний день работа конференции проходила в ИВР РАН по двум секциям. На секции истории и философии прозвучали доклады, посвященные концепции *törü* в монгольском буддизме XVII в. (Т.Д. Скрынникова, ИВР РАН), изучению главы V «Абхисамаяаланкары» (Р. Н. Крапивина, ИВР РАН), буддийскому ученому Чоки Агвану Пунцоку (Н.Д. Болсохоева, ИМБТ СО РАН), мифологеме рая в религиозной жизни Китая I–II вв. (М.Е. Кравцова, СПбГУ), истории отношений буддизма и конфуцианства в эпоху Эдо (К.Г. Маранджян, ИВР РАН), буддизму при первых маньчжурских правителях (Т.А. Пан, ИВР РАН), распространению буддизма на землях между Волгой и Уралом (М.Л. Швецов, Донецкий центр Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины; А.Е. Кожевин, УлГУ), письмам Высокомудрого Рэннэ (В.Ю. Климов, ИВР РАН), буддийской секте «красношапочников» в Монголии (Тулгаагийн Ариунболд, монастырь Тарвалин, Улан-Батор), документам Архива востоковедов ИВР РАН по поездкам А.М. Позднеева в Калмыцкую степь (Т.В. Ермакова, ИВР РАН), взаимоотношениям между калмыцкими ламами и российскими чиновниками в проведении противооспенных прививок в XIX в. (Иноуэ Такэхико, Университет Хоккайдо, Саппоро), этнографическим исследованиям российских экспедиций в Центральной Азии (А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк, СПбФ ИИЕТ РАН), трехязычно-

му словарю буддийской тематики из собрания Института восточных рукописей РАН (Н.С. Яхонтова, ИВР РАН), копиям буддийских грамот из архивной коллекции А.М. Позднеева (С.С. Сабрукова, ИВР РАН) и документам о поездке В.Л. Котвича в Монголию в 1912 г. (О.Н. Полянская, БГУ).

Доклады, прочитанные на секции литературы и источниковедения, были посвящены деятельности монгольского буддийского переводчика Алтангэрэл-убаши (К.В. Алексеев, СПбГУ), китайским переводам махаянской «Махапаринирвана-сутры» (С.Ю. Рыженков, ИВР РАН), монгольским переводам сутры «Аштасахасрика праджняпарамита» (Н.В. Ямпольская, Бернский университет), медицинскому трактату Джамгёна Конгтрула Лодрё Тхае (А.В. Теплякова, независимый исследователь), становлению тибетской медицинской традиции согласно трудам Муге Самтэна (Е.Ю. Харьковская, независимый исследователь), сочинению Аку Шейраба Гьяцо «Перечень нескольких редких книг» (А.А. Сизова, ИВР РАН), легенде о служанке Унмён из хроники «Самгук юса» (Ю.В. Болтач, ИВР РАН), буддийским элементам в монгольском народном этиологическом рассказе (Д.А. Носов, ИВР РАН), отражению буддийской традиции в русской литературе (А.Н. Соловьев, независимый исследователь), образу Миларайбы в современной бурятской поэзии (Л.С. Дампилова, ИМБТ СО РАН), лингвистическим особенностям китайских буддийских текстов (И.С. Гуревич, ИВР РАН), монгольским буддийским памятникам XVIII в. (Мунхцэцэг Энхбат, СПбГУ), текстам тибетского переводчика и йогина Пэл Гало в коллекции Института восточных рукописей РАН (А.В. Зорин, ИВР РАН), историческим сюжетам в монгольской шаштре «Букет белых лотосов» (Т.Ю. Евдокимова, ИВР РАН) и бурятскому ксилографу избранных песнопений Миларепы (А.А. Туранская, СПбГУ).

После окончания заседаний участники Доржиевских чтений посетили Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй, где состоялось торжественное закрытие конференции и подведение ее итогов.

Первые Доржиевские чтения были организованы восемь лет назад, в 2004 г. За прошедшие годы эта конференция превратилась в крупный научный форум, на котором обсуждаются такие актуальные в наши дни темы, как возрождение буддийской традиции в России и роль буддизма в современном мире, а также широкий круг вопросов, связанных с историей, историографией и источниковедением буддизма, с исследованием буддийского рукописного, книжного и архивного наследия. Расширяется и состав участников конференции. На Пятых Доржиевских чтениях выступали докладчики из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Иркутска, Улан-Удэ и других городов России, а также из Монголии, Японии, Швейцарии и других зарубежных стран. В заседаниях приняли участие как академические исследователи, так и традиционные буддийские ученые, представлявшие Буддийскую традиционную Сангху России, Централизованную религиозную буддийскую организацию Республики Бурятия «Майдар», Институт науки и культуры при монастыре Гандан (Улан-Батор) и монастырь Тарвалин школы *ньингма* (Улан-Батор). Предложенный организаторами формат конференции открывает путь к конструктивному диалогу между носителями буддийской традиции и учеными-востоковедами.

Н.О. Чехович

Выставка из собрания акад. Николая Лихачева

В Государственном Эрмитаже с 21 апреля по 22 июля 2012 г. была показана выставка «Звучат лишь письмена...», приуроченная к 150-летию со дня рождения выдающегося русского историка, искусствоведа и коллекционера академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). Это был человек, обладавший универсальными познаниями о письменной культуре человечества: знаток и собиратель древних рукописей (начиная с эпиграфики Шумера и Древнего Египта), знаток нумизматики, сфрагистики, кодикологии и поистине энтузиаст дипломатики, создавший в Петербурге редкостный даже по мировым масштабам музей палеографии. Выставка и объемистый каталог были подготовлены силами сотрудников нескольких научных учреждений, где теперь хранятся памятники из собрания акад. Н.П. Лихачева: Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Института восточных рукописей РАН, Библиотеки РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Всю жизнь, с отроческих лет, проведенных в Казани, Лихачев собирал раритеты, с особым вкусом подбирая свою коллекцию. Страсть к собирательству передалась ему от предков, хранивших интересные документы в семейном архиве. Кроме того, что представлено на выставке, акад. Н.П. Лихачев создал отдельную, обширную и весьма ценную коллекцию старинных икон, которые он нередко буквально спасал от гибели в церковных подвалах. Это собрание икон было куплено императором Николаем II и ныне хранится в Русском музее. Свою палеографическую коллекцию академик не продал, а передал в дар Отечеству уже при советской власти, создав музей, впоследствии менявший названия. Он надеялся остаться его хранителем. Но в 1930 г. в связи с «Делом Академии» его подвергли необоснованным репрессиям, сослали, лишили звания академика (оно было возвращено ему посмертно лишь в 1968 г.). Вернувшись из ссылки, он оказался на грани голодной смерти, не имея даже пенсии: больной старейший ученый получал крохи, консультируя исследователей его собственного собрания, подаренного им государству. Ученый умер через год после возвращения из ссылки. Характерные для эпохи документы также были показаны на выставке. До сего дня часть коллекции остается в бывшем собственном доме академика на Петро-заводской улице.

Идея выставки, на которой в память о замечательном ученом вновь были бы собраны из разных мест вещи его коллекции, наконец нашла свое воплощение. На ней было представлено 460 экспонатов. Вот список одних только восточных языков, на которых составлены документы из этого уникального собрания: шумерский, аккадский, древнеегипетский, коптский, сирийский, сабейский, арабский, геэз, древнееврейский, персидский, турецкий (староосманский), древнекитайский (гадательные надписи на костях животных), китайский, японский, маньчжурский, малайский. При этом почти каждый экспонат обладает какой-то особенностью, заставляющей задуматься о пре-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

емственности традиций, о сохранении и взаимодействии разных культур. Так, мы видим написанное в 711 г. на папирусе послание на греческом языке, поскольку адресат — грек, управляющий селения Афродито (Египет). Но автор — арабский правитель Египта, речь идет о скрывшихся неплательщиках налогов за последние 20 лет, и на письме есть пометки на арабском языке. Или другой памятник: каменный барельеф с изображением святого Георгия-воина (Византия, XIII в.). Святой опирается рукой на щит. При этом на малоазийском по технике исполнения барельефе щит — типично европейский, с такими сражались крестоносцы. Кроме того, эпитет Георгия здесь, судя по аннотации, уникален и переводится с греческого, если позволить некоторую модернизацию, как «пограничник»!

На договоре об аренде «вола с длинными рогами» (Италия, Феррара, 1330 г.) помимо текста договора на латыни имеется еще и изящно выполненный «портрет» означенного вола анфас. Немецкий язык встречается, кажется, только один раз, но это собственноручная расписка художника Лукаса Кранаха Младшего (1576 г.).

Материал надписей также был важен для коллекционера. Есть деревянная табличка из Египта: латынь и греческий язык чернилами, отчасти смытыми, а на оборотной стороне углубление для письма, заполненное воском (для черновых записей острым концом стила, которые потом изглаживались лопаточкой на другом конце). Есть в коллекции и фрагмент свинцовой водопроводной трубы римского времени с рельефной надписью.

Монеты и печати были также предметом особого интереса академика Н.П. Лихачева.

На выставке были представлены и византийские палимпсесты, и древнерусские рукописи и грамоты, и первопечатные книги-эльзевиры, и летучие издания России и Западной Европы Нового времени.

Мы должны быть глубоко признательны академику Николаю Петровичу Лихачеву, чья судьба сложилась так не по заслугам трагически. И следует сердечно поблагодарить организаторов выставки, раскрывающей целый мир, мало знакомый современному человеку. Может быть, любовь к древности, к просвещению, к прекрасному искусству письма, которой была проникнута вся атмосфера выставки, вдохновит кого-то из молодых посетителей, а труды и благородная личность академика Н.П. Лихачева послужат им примером.

И.Ф. Попова

Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия»

22–23 июня 2012 г. в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН была проведена международная конференция «Тангуты и Центральная Азия», на которой были обсуждены актуальные вопросы, связанные с историей, историографией и письменностью народа тангутов. Конференция была организована при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (номер проекта 12-01-14045г) и была приурочена к 80-летию выдающегося отечественного тангутоведа и китаеведа профессора, д.и.н. Евгения Ивановича Кычанова.

В конференции приняли участие ведущие ученые-тангутоведы, а также видные исследователи Центральной Азии из России, Китая и Японии. Общее число участников составило 50 человек, 17 человек выступили с докладами. Доклады, представленные на конференции, были связаны с различными направлениями тангутики, а также истории Центральной Азии в домонгольскую эпоху, когда тангутское государство занимало в регионе доминирующее положение и успешно соперничало с китайской и тибетской империями, а также с государственными объединениями тюрков и уйгуров. Доклады на китайском языке (2) и на русском (10) сопровождалась аннотированными переводами на русский и китайский языки соответственно. 5 докладов было сделано на английском языке.

На утреннем заседании 22 июня 2012 г. состоялось представление сборника материалов конференции «Тангуты в Центральной Азии» (М.: «Восточная литература», 2012). На следующий день, 23 июня 2012 г., состоялось заседание круглого стола «Тангутоведение на пороге второго столетия исследований», на котором были обсуждены важнейшие проблемы перспективного развития мировой тангутики, а также намечены главные направления дальнейшего издания памятников тангутской письменности. Необходимо отметить, что на заседаниях конференции присутствовало большое количество молодых сотрудников Института восточных рукописей и других учреждений Санкт-Петербурга.

Конференция собрала основные силы мирового тангутоведения — дисциплины, изучающей историю, язык и письменность исчезнувшего народа тангутов, родственного тибетцам, создавшего в X в. на территории нынешней Внутренней Монголии (КНР) сильное государство Западное Ся. В XIII в. тангуты были полностью уничтожены монгольскими завоевателями, а их язык забыт. В настоящее время тангутоведение является одним из приоритетных направлений классического востоковедения в мире. Российское тангутоведение занимает ведущие позиции с тех пор, как рукописи из мертвого города Хара-Хото были в 1910 г. доставлены экспедицией П.К. Козлова (1863–1935) в Петербург. Введение в научный оборот и исследование тангутских рукописей составляет актуальную задачу мирового востоковедения, поскольку памятники тангутского письма дают ключ к пониманию многих проблем изучения общества, государства, культуры и межэтнического взаимодействия в Центральной Азии в древности и средние века. В настоящее время около 95% всех существующих

© Попова И.Ф., 2012

в мире материалов на тангутском языке хранится в ИВР РАН. Отечественные тангустоведы, основывавшиеся в своих исследованиях на источниках из этой коллекции, сыграли в развитии данной дисциплины решающую роль. Дело пионера тангутики Н.А. Невского (1892–1937) продолжили в 1950-е годы В.С. Колоколов (1896–1979) и З.И. Горбачева (1907–1979). В течение последних 40 лет признанным лидером данного направления в мире является Е.И. Кычанов, который внес значительный вклад в дешифровку тангутской письменности, исследовал и ввел в научный оборот целый ряд уникальных памятников тангутского письма.

Доклады, представленные на конференции, были связаны с разными направлениями тангутики, а также истории Центральной Азии. Актуальным направлением тангутики является изучение права. В докладе Е.И. Кычанова «Тангутский документ XII в. об устной договоренности» на конкретном примере было показано решение проблемы адаптации норм китайского права к социальным, экономическим и культурным условиям сопредельных с Китаем государств в средние века. О специфических правовых нормах тангутов, развивших китайскую практику, рассказал профессор Ду Цзянь-лу (Центр тангутских исследований Университета Нинся) в докладе «О тангутском документе аренды 12-го года правления Гуан-дин» (кит. яз.).

Проблемы текстологического исследования памятников тангутской письменности были отражены в докладах профессора Не Хун-иня (Институт этнологии и антропологии АОН КНР) «A Supplementary Description of the Tangut Version of *Taizong zeyao* (инв. № 5875)» и К.М. Богданова (ИВР РАН) «Буддийский молитвенник на тангутском языке (инв. № 6817)». Данные сообщения представили также результаты по идентификации не дошедших до наших дней китайских текстов, которые как источники легли в основу сочинений на тангутском языке.

Профессор К.Ю. Солонин (Университет Фогуан, Тайвань) в докладе «Особенности буддизма хуаянь в Западном Ся» показал, что ни одна из школ чань-буддизма в Си Ся не существовала в оригинальном виде, все они были подвержены влияниям соседних народов — тибетцев, киданей и др.

В последние годы исследования языка тангутов успешно развивают исследователи Японии и Тайваня. Профессор Линь Ин-цзинь (Институт языкознания, академия Синика, Тайвань) рассказала о последних результатах своих исследований служебных слов тангутского языка. Проблемам грамматики и фонетики языка тангутов были посвящены доклады профессора Сунь Бо-цзюнь (Институт этнологии и антропологии АОН КНР) «Features of Tangut Consonant System as Reflected in Sanskrit-Tangut Transliteration» и Аракава Синтаро (Токийский университет иностранных языков) «On the Tangut Verb Prefixes in Tiansheng Code».

Наряду с памятниками тангутской письменности ИВР РАН в России в собрании Государственного Эрмитажа хранится большая коллекция памятников искусства из Хара-Хото. О взаимовлиянии тангутского, китайского и центральноазиатского искусства рассказала д.иск. К.Ф. Самосюк (Государственный Эрмитаж) в докладе «Жанр портрета в тангутской живописи».

В период своего расцвета государство тангутов разными средствами вело активную внешнюю политику в Центральной Азии. Тангуты находились в тесном контакте со многими сопредельными народами и государствами и повлияли на их историю, этногенез и культуру. О феноменах такого многостороннего взаимодействия было рассказано в следующих докладах: С.Г. Кляшторный (ИВР РАН) «Проблемы ранней государственности кочевников Центральной Азии»; Т.Д. Скрынникова (ИВР РАН) «Монгольский улус XVII в.»; А.Ш. Кадырбаев (ИВ РАН) «Ученые „во власти“ на средневековом Востоке»; В.М. Рыбаков (ИВР РАН) «Механизм *инь* («тень») в тан-

ском уголовном праве»; Т.А. Пан (ИВР РАН) “The Changbaishan Mountains as the Birthplace of the Manchu Imperial Clan”; В.П. Зайцев (ИВР РАН) «Проблемы создания электронного текста рукописной книги большого киданьского письма из коллекции ИВР РАН». Ряд выступлений был посвящен вкладу Е.И. Кычанова в науку и развитие тангутоведения (Тан Сяо-фан, Б.Н. Мельниченко, С.М. Аникеева, И.Ф. Попова, М.И. Воробьева-Десятовская и др.).

Выступая на заседании Круглого стола «Тангутоведение на пороге второго столетия исследований» (23 июня 2012 г.), профессор Не Хун-инь, который за последние годы выполнил большую работу по восстановлению утраченных памятников на китайском языке по тангутским оригиналам, коснулся важных проблем издания тангутских текстов. Тангутские памятники не всегда были прямыми переводами, а представляли собой переложения, пересказы, поэтому восстановление китайских оригиналов требует сложной текстологической работы. Е.И. Кычанов отметил необходимость дальнейшего исследования и издания документов административного и экономического содержания из Хара-Хото, выявления их аналогии с документами из других регионов Центральной Азии. И.Ф. Попова и К.М. Богданов рассказали о перспективах работы по дальнейшей каталогизации тангутского фонда ИВР РАН.

Yuriy Malikov. Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. В.: Klaus Schwarz Verlag (Studien zum Modernen Orient 18), 2011. — 321 p.

Представленная на рецензию работа Юрия Маликова освещает целый ряд аспектов взаимоотношений мира казачества и кочевников Северного Казахстана, начиная с 1734 г., когда этот район был включен в состав Российской империи, и до конца XIX в.

Автор данной монографии отдает предпочтение рассмотрению взаимодействия и взаимовлияния двух, в общем, разных культур на довольно обширной территории северных казахстанских степей, а также анализу сложившихся социально-экономических отношений в этом регионе. Это существенно отличает данный труд от работ многих авторов, как отечественных, так и зарубежных, увлеченных военно-политической стороной отношений Российской империи и Великой степи.

Во введении к своей монографии автор рассматривает различные подходы, выработанные исследователями по затронутой в ней проблематике. В нем представлены наиболее характерные мнения, взгляды и оценки роли и места казачества в российской, казахстанской и западной историографии. Не случайно отдельные параграфы озаглавлены следующим образом: «Историография российской восточной границы и отношения казаков с казахами: традиционная американская историография» (р. 13–18), «Российская дореволюционная историография» (р. 18–21), «Ранняя советская историография» (р. 21–22), «Советская историография после Второй мировой войны» (р. 22–24), «Историография Казахстана» (р. 24–27), «Постсоветская российская

историография» (р. 27–28). Еще в одном параграфе введения под названием «Переосмысление подхода к вопросу о российских восточных границах» (р. 29–33) автор отмечает, что среди западных исследователей появились новые имена, труды которых характеризуются новыми подходами. Если говорить более подробно об их позиции, нужно отметить, что их общая черта заключается в том, что в своих работах они отдаляются от оперирования казавшимся незыблемым кругом понятий, представляющих взаимодействие автохтонного и «пришлого» населения, только как отношений «завоевателей» и «покоренных», «угнетателей» и «мучеников». В этом параграфе рассматривается нетипичная, но, вероятно, отражающая новые тенденции, наметившиеся в последнее время в западной исторической науке, монография Томаса Барретта (Thomas Barrett) «At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860». Как пишет Ю. Маликов в своем труде, «Т. Барретт рассматривает российские границы как зону переговоров и взаимовлияния в большей степени, чем зону конфликтов и разделения» (р. 29). Это, судя по всему, положительно расценивается автором монографии, поскольку способствует вынесению более объективной и справедливой оценки ситуации не только на Кавказе, на котором фокусируется основное внимание автора, но и в других районах пребывания казачества.

Освещение обозначенной в названии книги Ю. Маликова проблематики с историко-культурологической позиции неизбежно требует от автора углубления в вопрос о происхождении «сибирского казачества», о национальном составе казачества, об истории его миграции в Сибирь и казахстанские степи. Этому посвящена первая глава книги — «Сибирские казаки и казахи: символы самосозна-

ния» (р. 40–105). Местное казахское население — племенные и клановые структуры, религия, быт и, в какой-то мере, психологический тип населения также получают свою характеристику.

В главе обращается внимание, на то, что казачество оценивалось неоднозначно в разные периоды истории и разными авторами. Палитра обозначавших казаков терминов варьировалась весьма широко, от «распространителей веры Христовой» и до «разбойников», что нередко объяснялось идеологическими соображениями и симпатией людей, писавших о них. Автор монографии, используя множество цитат, рассуждает относительно содержания понятия казачества, обращая внимание на личность покорителя Сибири Ермака и его этнически пестрое окружение. Он справедливо акцентирует внимание на том, что уже на ранних этапах переселения в Сибирь среди казаков было много русских — представителей беглого крестьянства, не согласных с церковными реформами и другими мерами, предпринимаемыми центральной властью. Многие из них принадлежали к староверам-раскольникам, а также к небольшим по численности христианским сектам. Более того, неграмотность и незнание основ православной религии частью переселенцев из России приводили к заимствованию местных культов, вплоть до контактов с шаманами (р. 64).

В казачьи отряды уже в XVIII в. вливались люди, не принадлежавшие к русскому этническому элементу, но готовые принять христианство. Военное руководство, как видно по тексту, не стремилось чинить им в этом препятствия. Следует также учитывать тот факт, что государственное законодательство в сибирских и пограничных со степью землях фактически не действовало или действовало не в полной мере. Ю. Маликов приводит интересные статистические данные об относительно либеральном отношении властей, по сравнению с внутренней Россией, к женщинам из среды переселенцев, которые становились матерями-одиночками. В этом усматривается возможность привнесения в формировавшийся тип казаков черт исконных жителей Сибири и степей, и, по-видимому, это привело к расовому смешению внутри казачества уже на ранних этапах.

Приведенные Ю. Маликовым данные о военных, набиравшихся в казачье войско Сибири, ставят под сомнение возможность рассмотрения казачества в качестве социально-

военного института, действовавшего только на базе православного христианства. Как видим, оно было полиэтническим и даже поликонфессиональным военным формированием с доминированием представителей православных. Автор обращает внимание на то, что как в политических выступлениях представителей церкви, так и в речах казахских религиозных публицистов делается излишний акцент на религиозно-православный характер казачества, часто без достаточного основания. Познавательными выглядят приводимые сведения об участии в казачьем войске не только русских и местных этнических элементов, но даже западноевропейцев, попавших в плен и сосланных в отдаленные казачьи поселения. Эта практика применялась еще в XVI в.

Как ни странно, в сибирских районах, контролировавшихся казаками, а также в степях наблюдался дефицит женского населения, что мешало созданию казачьих семей. В связи с этим автор отмечает, что правительственные чиновники прямо или косвенно поощряли браки между казаками и представительницами кочевых народов, что вело к росту смешанных семей и создавало новый расово-этнический портрет казачества (р. 82). Возможно, что только казаки из староверов при невозможности браков с «другими» сохраняли «русский» этнический тип, свойственный Центральной России.

Тем не менее, несмотря на эти очень полезные и детальные сведения и характеристики, самой дефиниции «сибирское казачество» в тексте не приводится.

В параграфе, завершающем первую главу, автор монографии высказывается в пользу идеи преобладания племенного или кланового сознания у казахов ко времени вступления во взаимодействие с казаками. Это позволило им контактировать с переселенцами из России в Северном Казахстане по уже известной модели, когда договоры достигаются на уровне кланов, а не целых народов. В этом скрывается вероятное восприятие приграничными казахами казаков как иноплеменников, но не врагов. Это коренным образом отличало казахско-русские отношения в целом от, например, марокканского опыта, где в борьбе с французами отдельных племенных групп произошла консолидация племенных союзов, способствовавшая ускорению формирования национального сознания (р. 104–105). С этим, пожалуй, можно согласиться. Французская

РЕЦЕНЗИИ

администрация не пыталась принимать в расчет интересы арабов и берберов в Марокко. Она действовала с целью полностью подчинить местных жителей, устанавливая полный контроль над всей территорией. В случае с казахскими степями можно отметить проведение политики скорее мирного сосуществования без явно выраженного подчинения казахов, без навязывания другого, чуждого им образа жизни и ценностей. Получалось, что два народа в какой-то мере «врастали» друг в друга, что не приводило к острым и непреодолимым противоречиям и не служило поводом для какой-либо консолидации казахов для отражения губительной угрозы извне.

Вторая глава монографии Ю. Маликова — «Межкультурный обмен на границе: причины и последствия» (р. 106–150) повествует о заимствовании жившими в степи казаками отдельных элементов образа жизни и быта от местного казахского населения. Это нашло выражение, например, в создании открытых загонов для скота. Казаки также заимствовали у местных казахов много приемов из скотоводческой практики и организации хозяйства, используя для этого местную утварь и материалы.

Начиная с указов Екатерины II, на российскую военную службу привлекались представители казахских родов, причем некоторые получали воинские звания и награды. За этим следовало желание изучения русского языка и приобщение детей к учебе в русских школах. В области заимствований материальной культуры можно отметить то, что родовитые казахские семьи стали обращаться к российским властям за помощью в строительстве каменных домов в местах зимних пастбищ (р. 116).

Автор много внимания уделяет характеристике образа жизни казахов, которые оказались в районах станиц, смене ими образа хозяйствования, а в ряде случаев и религии. В частности, в монографии освещается место джатаков — обедневших казахов, живших бок о бок с казачьими поселениями и внутри них, оказываясь, таким образом, важным звеном в системе казацко-казахских связей. Эта категория казахов перешла в общении на русский язык и перенимала сложившийся в станицах тип хозяйствования. Джатаки активно участвовали в качестве переводчиков в торговле, которую вели казаки с местными кочевыми кланами, и проводников и нередко сами ста-

новились успешными коммерческими агентами. Подводя итог рассмотрению взаимовлияния в области бытовой культуры, можно отметить, что оно приносило пользу обеим сторонам.

Обращает на себя внимание отсутствие какого-либо принуждения казахов к принятию христианства. Принятию новой для казахов веры сопутствовали долгое проживание отдельных выходцев из степи среди русских или совместные браки, куда было вовлечено небольшое число казахов, поэтому говорить о массовом крещении, как это видно по текстам монографии, не приходится. Сложнее складывалась ситуация для людей, принявших христианство, но пожелавших уйти к сорочичам в степь. Здесь наблюдались препятствия и недовольство со стороны русской администрации (р. 136–139). Не менее серьезно эта администрация относилась к казахам, принятым на службу в казачье войско. Попавший на службу казах вместе с семьей фактически оставался на ней до конца жизни. Это, впрочем, относилось в полной мере и к казакам русского происхождения.

Третья глава — «Восстание Кенесари Касимова (1837–1847 гг.): национально-освободительное движение или протест против восстановления казахского прошлого?» позволяет задуматься над вопросом, являлось ли насилие доминантой в отношениях на границе казахов и казаков. В самом начале этой главы автор монографии выдвигает свою точку зрения, что причины этого восстания скрывались в основном в самом казахском обществе, аргументируя это тем, что влияние Российской империи в этот период было ограниченным. Далее следуют рассуждения о допустимости рассмотрения казахов как сформировавшейся нации в XVIII–XIX вв. и о добровольном характере их присоединения к Российской империи. Для выяснения различных подходов ученых к освещению этого восстания Ю. Маликов вводит специальный параграф — «Историкография восстания Кенесари» (р. 153–156). Для выяснения оценки массового характера восстания анализируются статистические данные из разных источников о численности бойцов в отрядах руководителя восстания. В результате ставится под сомнение тезис некоторых исследователей о массовом участии в движении казахов. Кроме того, восстание Касимова, как и его предшественников, выглядело скорее как движение, направленное на объединение казахов и центра-

лизацию власти в обширных степях в одних руках. Сложно представить, что это могло быть в интересах российской политики в Средней Азии в тот период, поэтому совершенно очевидно, что помощь такому движению со стороны России оказываться не могла. Скорее, наоборот, под предлогом опасности нападений из глубины степи российская администрация воспользовалась ситуацией для укрепления своих позиций в Северном и Восточном Казахстане.

Четвертая глава содержит объяснение идеологических принципов российского продвижения на Восток и носит название «Цели российского империалистического государства на Востоке». Глава начинается с историографического обзора идейных мотивов продвижения России на Восток. В их числе называются — распространение христианства без стремления к просвещению, создание возможностей для успешной торговли, укрепление и защита границ и другие более или менее прагматичные мотивы и цели. Автор монографии склоняется к объяснению экспансии сугубо прагматическими устремлениями России в установлении контроля над казахскими степями. В числе причин этого он выделяет обеспечение безопасности русских поселений в Сибири и установление безопасной торговли через степи с Индией, Китаем и ханствами Центральной Азии (р. 184).

Для подтверждения точки зрения о том, что религиозные мотивы не являлись двигателем российской политики в регионе, автор монографии отмечает, что центральные власти Российской империи стремились всячески сохранить исламскую веру среди местных жителей. Он приводит также сведения об указе Екатерины II от 1767 г. о запрещении миссионерской деятельности в степи и о предписаниях, последовавших век спустя, царя Александра II о недопустимости миссионерской деятельности среди кочевников. Первые миссии все-таки были направлены лишь в 1883 г., много лет спустя после ее включения в империю.

Определенное внимание в главе уделено строительству Линии казачьих поселений вдоль границ империи и «дикого поля», откуда могла исходить угроза для русских переселенцев в Сибирь. Согласно представлениям отдельных российских военачальников, Линия фортификационных сооружений могла смещаться южнее по мере укрепления контроля

над степными регионами. Казахи-кочевники представлялись как возможная угроза.

Для укрепления границ российская администрация предпринимала меры по развитию торговли вдоль границы и созданию при фортификационных сооружениях крупных торговых центров (Оренбург, Семипалатинск). В то же время караванная торговля стала рассматриваться одной из важных форм по укреплению отношений с обитателями степи. Обеспечение безопасности караванной торговли являлось важной задачей казаков, что приводило к длительному отсутствию в станицах казачьих отрядов и определенным лишениям. Казачество часто выражало по этому поводу недовольство. Освещению этого вопроса посвящен последний параграф главы (р. 209–211).

Пятая глава монографии — «Роль торговли в формировании приграничного общества» более детально освещает поднятые в предшествующей главе вопросы о важном месте торговых отношений для установления особого климата взаимодействия между казаками и казахами в приграничных районах. Начальный этап установления торговых связей характеризовался их небольшим объемом в силу действия указа от 1740 г., ограничивавшего число одновременного пребывания казахов в одном казачьем пункте цифрой в 25 человек. Конечно, это не способствовало активизации связей. С первой четверти XIX в. намечается новый подход к привлечению казахов к торговле. Для русских купцов постепенно снимались ограничения торговли внутри степи, так же как для казахов разрешалось везти товары в различные районы Российской империи (р. 216). Таким образом, на ранних стадиях казахско-русских отношений готовилась почва к перенесению торговли в глубь России. Говоря о возможном неравноправии в торговле, автор рецензируемой книги старается подойти к освещению этой проблемы дифференцированно в зависимости от периода. Действительно, сначала торговый обмен мог складываться в пользу казаков и русских купцов, однако со временем торговля стала принимать более сбалансированный и равноправный характер, особенно с вовлечением в нее широких слоев казахов и с приобретением ими коммерческих навыков.

В параграфе главы «Торговля как инструмент приграничной гибридной интеграции» Ю. Маликов вступает в полемику с казахским ученым

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Шалгимбековым, высказывающимся в своих трудах о том, что торговля вдоль Линии казахских поселений служила «инструментом ассимиляции и военной и гражданской колонизации», разрушившей образ жизни кочевников (р. 238). Не отвергая тезис относительно торговли как инструмента влияния, Ю. Маликов отмечает, что эта торговля носила обоюдный характер, и призывает авторов, дающих оценки подобным явлениям, больше обращать внимание и на положительные стороны торговли для обеих сторон (р. 239).

В последней главе «Конфликты в степи: их источники и урегулирование» (р. 252–283) поднимается вопрос о правомерности называть сосуществование казаков и казахов вдоль Линии станиц перманентной враждой. В принципе, Ю. Маликов больше склонен рассматривать возникавшие в ходе истории отдельные (а не постоянные) конфликты как результат в большей степени внутреннего развития самого формировавшегося казахского национально единого общества, чем порождение насильственного колониального курса Российской империи. Более того, автор полагает, что, наоборот, администрация приграничных районов постоянно беспокоилась за стабильность и сохранность южных границ. Это обеспечивало, в конечном счете, безопасность страны в целом. Еще одним интересным, на наш взгляд, элементом данной главы является отставание автором точки зрения, что казаки, проживавшие на Линии, как и казахи степи, в течение длительного исторического периода не представляли «религиозной и другой идентичности», которая препятствовала бы оформлению каких-либо форм совместных союзов (р. 253). К этому следует добавить слабость Российской империи для военных действий в степи, для демонстрации в ней своего могущества и установления в ней своего полного господства.

Далее автор разбирает источники возникновения конфликтов. Одним из основных называется разрешение беглым рабам казахов уходить за Линию, в глубь российских владений. Российские власти оказывали им протекцию, особенно при условии принятия христианства, и не выдавали обратно в степь их бывшим хозяевам. В ответ казахские кланы совершали набеги на торговые караваны, проходившие через степь. В этой главе также отмечается, что в ходе истории казаки и казахи умели находить взаимоприемлемые формы

решения споров, основанные часто на традиционных степных, т.е., по сути, казахских методах, которые оказались удобными и для другой стороны. Более того, нередко казаки оказывались в своеобразной оппозиции российским властям, которые применяли неудобные и невыгодные для них законы, в чем казаки отчасти солидаризовались с казахами. Особо это касалось вопросов торговли (р. 279).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что перед нами интересный и серьезный труд, выполненный на оригинальном материале с привлечением большого круга отечественных и зарубежных работ. В монографии приводится внушительный объем цитат из материалов архивов Омска, Оренбурга, Казахстана. Автор проработал большой объем западных, российских и казахских монографий и статей, что отражается в библиографическом списке и в основном тексте.

Говоря о современном этапе истории, заметим, что лучшим показателем позитивного потенциала, содержащегося в модели отношений между исконным местным населением и казаками, является то, что населенные пункты, расположенные по границе казахских степей, существуют и в настоящее время, не вызывая осложнений и не создавая поводов для каких-либо форм серьезных и долговременных конфликтов. Между людьми «пограничья» происходило и происходит активное взаимодействие, причем элементы культуры, привнесенные казаками и, наоборот, заимствованные ими от местного населения, сохраняются.

Вызывает, однако, определенную тревогу то, что переживающие трансформацию экономические отношения на постсоветском пространстве, разделение территорий могут в определенной степени оказаться факторами ослабления прежних связей и снизить вовлеченность казаков и казахов в совместное производство и обмен.

Сложно согласиться с высказываемой точкой зрения отдельных авторов, имена которых приводятся в монографии, как показывает Ю. Маликов, о постоянной напряженности и конфликтности «двух несовместимых» миров. Это выглядит предвзято, и сам ход истории опровергает их. Автор последовательно отстаивает позитивный и особый характер отношений, сложившийся в «пограничье», и делает это добросовестно и убедительно.

И.В. Герасимов

Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009. — 950 с.

Выход в свет энциклопедии «Индийская философия» можно без преувеличения назвать событием как в философской жизни современной России, так и в отечественном востоковедении. В этой книге впервые дан масштабный обзор всех основных философских течений Индии — от глубокой древности до XX в., причем во многих случаях энциклопедия дает сведения о таких темах или фигурах, которые неизвестны не только широкому читателю, но и, возможно, некоторым специалистам. При этом особенно следует отметить, что внимание уделено заметным, но малоизвестным в отечественном востоковедении фигурам современной индийской философии — таким, как Бимал Кришна Матилал — единственный представитель школы *ньяя* в современной Индии — или Сурендранатх Дасгупта, труд которого «История индийской философии» активно используется специалистами в этой области, но собственные философские воззрения которого (влияющие, естественно, и на отражение им специфики индийских философских систем) обычно не рефлектируются. Это безусловное достоинство книги, ибо такой подход позволяет увидеть связь той проблематики, которой занимались индийские философы древности и средневековья, с проблемами, стоящими перед современной западной философией.

Энциклопедия предваряется небольшим, но весьма интересным предисловием (с. 9–14), в котором рассматривается, в частности, само понимание термина «философия» в XVIII–XIX вв. и проводится до сих пор, к сожалению, не всегда и не всеми принимаемая мысль о том, что философское мышление не является исключительно западным культурным феноменом и было свойственно всем достаточно развитым культурам, в том числе и индийской. По мнению Гегеля, сформулировавшего, наверное, самую влиятельную за последние два века историко-философскую концепцию, весь Восток не смог породить ничего выше некой довольно смутной «предфилософии», в которой отдельные догадки и прозрения соседствовали с фантастическими вымыслами и предрассудками. В его концепции

«всемирная история есть прогресс в сознании свободы — прогресс, который мы должны познать в его необходимости»¹, поэтому, естественно, несвободные общества — это всегда общества отсталые, являющие собой детство человеческого духа. Именно таковы, с его точки зрения, общества и культуры Востока. Общеизвестны слова Гегеля: «Восток знает и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны»², а так как политическая свобода — *conditio sine qua non* свободы интеллектуальной, то и никакая философия на Востоке, согласно этому воззрению, естественно, невозможна. Только «на Западе восходит внутреннее солнце самосознания»³, без которого Восток, с точки зрения Гегеля, прекрасно обходится.

Такая установка, в глазах знатоков восточных культур давно ставшая диким анахронизмом, все еще встречается среди специалистов по западной философии. Она прочно держалась в западной культуре в течение всего XIX века, так что, как отмечает в предисловии к энциклопедии М.Т. Степанянц, еще Эдмунд Гуссерль говорил, что «само выражение „западная философия“ тавтологично, так как идея существования *незападной философии* противоречит самому понятию „философия“» (с. 9). В наше время от профессиональных философов такие утверждения можно услышать довольно редко. Тем не менее европоцентризм все еще до конца не преодолен, и выход этой книги можно приветствовать еще и потому, что она позволит профессиональным философам познакомиться именно с *философскими* достижениями индийской культуры и, возможно, найти в них неслучайные параллели и сходства с философской мыслью Запада — тем более что в этом же направлении работают и современные индийские философы, активно осваивающие наследие Запада и работающие с ним уже в компаративистском ключе — так, как это делал, например, упомянутый выше Б.К. Матилал, для которого суть работы философа-компаративиста заключалась «не столько в сравнении индийских систем с западными, сколько в исследовании вклада этих систем в постановку и решение определенных философских

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2005. С. 72.

² Там же. С. 147–148.

³ Там же. С. 147.

РЕЦЕНЗИИ

проблем» (с. 509). Именно об этом говорит М.Т. Степанянц в предисловии: «Авторы Энциклопедии предприняли попытку ввести индийскую мысль в рамки категорий западного философского, религиоведческого и культурологического дискурса. Для этой цели предлагается ряд тематических статей, в которых индийский материал рассматривается в свете таких универсальных понятий, как „Бог“, „бессмертие“, „душа“, „пространство“, „универсалии“ и т.д.» (с. 14), и такой подход нельзя не приветствовать, ибо благодаря этому, по существу, наводятся мосты (или, по крайней мере, делается попытка навести мосты) между индийской и западной культурой — найти общие для них понятия, одинаковые ходы мысли и, возможно, отыскать причины некоторых неслучайных сходств.

За предисловием следует статья В.К. Шохина и М.Т. Степанянц «Индийская философия в исторической ретроспективе», в которой дан интересный обзор истории развития философской мысли в Индии и кратко охарактеризованы ее различные течения, причем и здесь, надо заметить, авторы обращаются к западной философской терминологии — так, рассматривая различные взгляды на проблему общих понятий, они используют термины, выработанные в европейской средневековой философии: «В онтологической дискуссии о статусе универсалий буддисты придерживались крайнего *номинализма*, отрицая не только их существование вне вещей, но даже их идентичность — классы вещей определялись через отрицание их отрицаний; школа Прабхакары была ближе к *концептуализму* и сводила универсалии к объективному сходству самих вещей... *найяки* придерживались крайнего *реализма*, считая универсалии не только безначальными и вечными, но отдельными сущностями, доступными восприятию, наряду с отношением присущности, связующим их с эмпирическими вещами» (с. 21). Достоинство этой статьи состоит, таким образом, в том, что в ней открыто заявлен компаративистский подход к истории индийской философии: философская мысль Индии разъясняется читателю на основе уже привычных и понятных ему представлений, разработанных еще средневековыми схоластами, причем эти представления используются здесь не как иллюстрации, а как точные аналоги индийских философских концептов.

Другим достоинством этой статьи является то, что в ней неизбежно кратко, но при этом

с достаточным охватом рассматривается эволюция индийской философии — от первых философов *stricto sensu*, которыми, конечно, были не пророки и поэты эпохи Вед и упанишад, а Будда Шакьямуни, Джина Махавира и Макххали Госала, до крупнейших философов XX в., к которым, помимо уже названных, относятся Сарвепалли Радхакришнан, Аурубиндо Гхош, Дая Кришна, Дебипрасад Чаттопадхья и ряд других. Это позволяет рассмотреть историю индийской философии, образно говоря, «с высоты птичьего полета», а значит, и увидеть те тенденции и особенности развития, которые могут ускользнуть от взгляда при более пристальном и детальном изучении какого-либо отдельного вопроса. Более того, такой подход позволяет читателю сориентироваться в самом тексте энциклопедии и найти имена и понятия, которые, возможно, не относятся прямо к интересующей его теме, но затрагивают ее косвенно и поэтому тоже заслуживают внимания.

Особо следует отметить качественную разработку в энциклопедии ряда специфических для индийской философии понятий, которым трудно подыскать точную аналогию в западных философских традициях. Так, В.Г. Лысенко дает весьма полное, точное и емкое определение понятия *manas*, одного из ключевых в индийской философии и психологии: это «внутреннее чувство („внутренний ум“), обладающее способностью координировать и синтезировать деятельность сенсорных и моторных органов (*индрий*), а также следить за тем, чтобы чувственные данные поступали к субъекту познания (*Атману*, *Пуруше*) в определенной последовательности и чтобы психомоторные желания последнего без промедления передавались соответствующим „исполняющим органам“ (*кармендерия*)» (с. 501). Это понятие, как видно уже из этого определения, теснейшим образом связано с проблемой сознания, которую так или иначе разрабатывали все школы индийской философии, и, в частности, с вопросом о структуре сознания, подробное решение которого представлено, например, школой *санкхья*. Согласно воззрениям этой школы, как известно, в мире существуют два независимых начала — материя (*prakṛti*) и самосознающий субъект (*puruṣa*), причем активно только первое из них, и именно благодаря его активности возникает то, что мы называем феноменальным миром, тогда как второе начало никакой активности не проявляет — в «Сан-

кхья-карике» Ишваракришны, одного из ведущих представителей этой школы, «устанавливается субъектность этого Пуруши, изолированность, индифферентность, созерцательность и бездеятельность» (*siddhaṃ sākṣitvamāsa puruṣasya kaivalyaṃ mādhyasthyaṃ draṣṭṭvamakartṭbhāvaśca*)⁴. Материя (*prakṛti*) порождает *buddhi*, или *mahat*, которое в статье о *manas* определяется как «волевое начало» (с. 502); тот, в свою очередь, порождает *ahaṃkāra*, которое В.Г. Лысенко переводит как «эго», а В.К. Шохин — как «эготизм»⁵, из него — *manas*, органы чувств и действия (*jñānendriya*, *karmendriya*) и *tanmātra*, которые в соответствующей статье энциклопедии определяются как «ноуменальные, „атомарные“ звук, осязаемость, форма, вкус и запах, которые в качестве „непроявленных“ объектов, обычным путем не воспринимаемых, содержат возможность манифестации соответствующих реально воспринимаемых объектов» (с. 769), а из этих потенциальных элементов уже появляются реальные, грубоматериальные элементы. Таким образом, рассудок (как, используя кантовскую терминологию, можно коротко перевести санскритское *manas*) выступает в этой схеме зависящим от материи (*prakṛti*), порожденным ею, так что все формы функционирования эмпирической личности в *санкхье* оказываются всего лишь одной из форм существования чистой материи, к истинному «я» (*puruṣa*) не имеющей отношения.

Естественно, в энциклопедии подробно анализируются и другие понятия, касающиеся структуры сознания, которые в разных школах понимались далеко не всегда одинаково. Упомянутое выше понятие *buddhi*, которое в *санкхье* интерпретировалось как инстанция, выносящая решения, в *веданте*, например, истолковывается как локус желаний, впечатлений, а также и религиозной заслуги (с. 181), но в любом случае оно остается компонентом феноменального мира, который представляет собой иллюзорный покров *майи*, скрывающий от живых существ истинную реальность — Брахмана, «абсолютное первоначало бытия и глубинное содержание всех мировых феноменов, структурировавшее мифологические модели, ритуалистические и мистические парадигмы всей „ортодоксальной“ рели-

гиозной традиции Индии» (с. 155), познание которого дарует живому существу освобождение (*mokṣa*) от колеса перерождений (*samsāra*).

Проблема освобождения из *сансары* по-разному решается в разных религиозных школах Индии, и этот вопрос тоже хорошо освещен в энциклопедии. Так, общеизвестно, что буддизм не признает существования неизменной и бессмертной души, но и для него выход из *сансары* (*nirvāṇa*) остается главным религиозным понятием, целью стремлений верующего; об этом тоже подробно рассказано в соответствующей статье, включающей, помимо разъяснения основных догматических положений учения Будды, также изложение истории буддизма и его современного положения (с. 169–177). Та же проблема ставится и в такой своеобразной системе религиозных течений Индии, как тантризм. «Эзотерическое самосознание последователей тантризма выражается в их претензии на более эффективный (и при этом тайный) по сравнению с нетантрическими системами практический путь обретения высшей цели — освобождения (*мокша*), а также в подчеркивании необходимости получения специальных инициаций для более глубокого проникновения в духовную истину» (с. 771–772). Тантризм интересен тем, что достижение религиозных целей, согласно этому учению, возможно не только чисто психотехническими практиками, но и воздействием на физическое тело адепта, в связи с чем «фактору телесности в тантризме уделяют очень большое внимание (вплоть до попытки трансформации смертного по своей природе физического тела в „божественное“, или бессмертное тело)» (с. 773). С.В. Пахомов, автор статьи о тантризме, справедливо замечает, что истоки его связаны с культурами богинь-матерей (с. 772), и следует отметить также, что эти культы происходят не только и, может быть, даже не столько из культуры ведийских арьев, сколько из религиозных и культовых практик коренных народов Индостана. В индуистской тантре активным началом признается начало женское (*Śakti*), мужское же (*Śiva*) признается пассивным (с. 772). У ведийских арьев женские божества занимали обычно подчиненное положение, которое они сохраняют и в современном индуизме, главенствующее же положение они занимают в пантеонах неортодоксальных религиозных течений — пашупатов, капаликов, каламухвов и т.п., а также, что немаловажно, в пантеонах

⁴ Лунный свет санкхьи / Изд. подгот. В.К. Шохин. М., 1995. С. 169, 308.

⁵ Там же. С. 173.

РЕЦЕНЗИИ

дравидских народов. Даже среди арьев женские божества — это, как правило, «деревенские богини» (grāmadevatā), божества местного значения, культы которых обычно отпращивают шудры или неприкасаемые; крайне редко этим занимаются представители высших варн⁶. Исследователи давно уже обратили внимание на то, что представление о божественной творящей силе — śakti, культ которой как божества входит в ядро индуистского тантризма, имеет явные и неслучайные сходства с хорошо известным в дравидской культуре понятием апа́рки⁷. Основное значение этого тамильского слова можно суммировать так: это «некая устрашающая сила, которая приносит человеку зло и страдание и которая может проявлять себя как неперсонифицированно, так и в виде неких существ — духов, демонических персонажей, божеств»⁸. Однако вместе с тем этой *анангу* в тамильской поэзии наделяются горы, море, слон, лев, змея, с ней ассоциируется женщина, ею обладают боги, так что далеко не всегда это понятие имеет столь негативный смысл⁹. Строго говоря, *анангу* — это своеобразная энергия, которая имеет прямое отношение к воспроизводству жизни в самом широком смысле, поэтому в тамильской поэзии и говорится, что ею обладают и прекрасная девушка, и земля, рождающая растения, и царь, упорядочивающий жизнь подданных и магически обеспечивающий плодородие земли. Этой *анангу* в полной мере обладает богиня Коттравей — одно из главных божеств тамильского пантеона, девственность которой означает, что ее созидательная энергия остается не только не растроченной, но и еще усиленной ее волей¹⁰. Ее образу аналогичен образ богини Кали, культ которой (имеющий прямое отношение к теме плодородия) особенно распространен на границах индуистского ареала — в Ассаме и горах Южной Индии и до сравнительно недавнего времени включал в качестве необходимого элемента

человеческие жертвоприношения¹¹. Таким образом, тантризм имеет глубокие и сильные корни в культурах аборигенных народов Индостана и, по существу, представляет собой адаптацию их к религиозным представлениям и культовым практикам и, что немаловажно, *социальной структуре* индуистского общества. Все это хорошо изложено не только в статье о тантризме, но и в связанных с нею статьях о шактизме, шиваизме и пр.

Наконец, нельзя не отметить, что и современная философия Индии представлена в энциклопедии достаточно полно, причем помимо таких хорошо известных фигур, как Ауробиндо Гхош или Махатма Ганди, книга дает сведения и о таких важных, но до сих пор почти не известных отечественному читателю авторах, как Кришна Чандра Бхаттачария, Сурендранатх Дасгупта, Сарвепалли Радхакришнан, Джитендра Натх Моханти или Дая Кришна. Конечно, можно возразить, что книга Радхакришнана «Индийская философия» переведена и издана на русском языке почти 60 лет назад и не раз переиздавалась, а на «Историю индийской философии» Дасгупты ссылаются едва ли не каждый, кто пишет на эту тему. Но проблема в том, что труды этих авторов (в особенности это касается Дасгупты, исследовавшего в своем пятитомном труде такое множество философских текстов, в том числе и редких рукописей, что в этом, наверное, ни один историк индийской философии не может с ним сравниться) порой воспринимают как тексты, которые практически могут заменить первоисточники. Такое восприятие, конечно, ошибочно: у каждого историка философии есть свое видение предмета, которое и отражается в его труде и на которое всегда следует делать поправку. Именно поэтому даже краткое изложение их взглядов весьма полезно для уяснения влияний, которые они испытывали в своей работе, и более полного понимания их собственных представлений о том, что такое философия и история философии.

В этом отношении показательна статья о Дасгупте. Существует множество мифов об индийской философии, которые иногда разделяют даже специалисты-философы (если сфера их интересов с Индией не связана). Один из таких мифов гласит, что «подлин-

⁶ Crooke W. The Cults of the Mother Goddesses in India // Folklore. 1919. Vol. 30. No. 4. P. 284–286.

⁷ Чернышева Е.А. Анангу и шакти // Путь Востока: традиции освобождения. Тезисы II молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 1999 г.). С. 26–27.

⁸ Дубянский А.М. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М., 1989, с. 23.

⁹ Там же. С. 23–24.

¹⁰ Там же. С. 32–33.

¹¹ Kripal J.J. Kālī's Tongue and Ramakrishna: "Biting the Tongue" of the Tantric Tradition // History of Religions. 1994. Vol. 34. No. 2. P. 156.

ная» индийская философия — это философские умозрения древности, более же поздние тексты ценности в этом отношении не представляют. Дасгупта развенчал этот миф (с. 324). Кроме того, исследовав такие на первый взгляд очень далекие от философии тексты, как «Аюрведа» и «Чарака-самхита», он выявил их философское содержание, изложению и анализу которого во втором томе его фундаментального труда посвящена целая большая глава (более полутора сотен страниц).

Не менее примечательна и следующая за ней статья о Дая Кришне — одном из крупнейших индийских мыслителей второй половины XX в.: позиция его состоит в том, что представление об индийской философии глубоко мифологизировано как европейскими авторами, которые то судят о ней пренебрежительно, то, наоборот, превозносят ее как сокровищницу мудрости, недоступной Западу, так и индийцами, которые воспринимают философскую мысль Индии как нечто более глубокое и масштабное, чем философия в том ее понимании, которое свойственно западной культуре (с. 326). Индийскую философию порой считают «спиритуалистичной» в противоположность философии Запада, которая будто бы всегда в той или иной степени материалистична. Если внимательно и непредвзято вчитаться в индийские философские тексты, то окажется, что истинный спиритуализм (который Дая Кришна понимает как признание духа не только реальным и не зависящим от материи, но *единственной* реальностью) представлен в Индии только буддийской школой *йогачара*, в других же школах материя никогда не воспринимается как нечто *абсолютно* нереальное (с. 325). Другой миф гласит, что Веды будто бы являются основой философского дискурса в Индии; в действительности же гораздо более авторитетными были для индийских философских школ *сутры*, излагающие суть этих систем (там же). Все эти мифы, естественно, искажают реальную картину индийской философии, и развенчанию их посвящена работа не только Дая Кришны, но и других современных индийских философов.

Об этой книге можно, конечно, написать гораздо больше. В ней поднимаются самые различные темы, излагаются взгляды самых разных мыслителей — и прославленных, и малоизвестных, анализируются и разъясняются сложные понятия, важные для индий-

ской культуры. Из сказанного ясно, насколько серьезным подспорьем в деле изучения индийской философии может послужить эта книга.

С.Л. Бурмистров

Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Восточная литература, 2011. — 1045 с.

2011 год увенчался знаменательным научно-издательским событием — фирма «Восточная литература» выпустила в свет энциклопедию «Философия буддизма». Появление этой подготовленной на базе Института философии РАН отраслевой энциклопедии свидетельствует о значительном прогрессе в деле продвижения буддологических знаний в отечественную историко-философскую науку, никогда прежде не располагавшую подобным изданием.

Необходимо подчеркнуть, что достигнутый успех во многом обусловлен научными инициативами М.Т. Степанянц, ответственного редактора издания. Именно М.Т. Степанянц в течение долгих лет неустанно способствовала внедрению востоковедной тематики в область философских наук, и эта целенаправленная деятельность в очередной раз привела к крупному научному свершению.

Отрадно и то обстоятельство, что инициатива создания энциклопедии «Философия буддизма» получила, как указано в издании, разностороннюю финансовую поддержку — грант Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации и грант Российского гуманитарного научного фонда. Финансовую помощь оказывал и японский Институт восточной философии (Токио), учреждение, состоящее в структуре международной буддийской организации «Сока гаккай интернэшнл». Ученые Института восточной философии вошли и в состав авторского коллектива энциклопедии «Философия буддизма», включающего востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга и Улан-Удэ. Аккумулятивные силы и средства позволили выпустить в свет превосходно изданный, внушительный по объему однотомник, содержание которого охватывает историю буддийской мыслительной традиции от ее древнеиндийских истоков до настоящего времени.

Приоритетный характер этого издания отмечен в предисловии ответственного редак-

РЕЦЕНЗИИ

тора. «Настоящий труд, — пишет М.Т. Степанянц, — первая российская энциклопедия, посвященная философии буддизма. Уже в одном этом состоит его уникальность как для отечественной, так и для мировой научной литературы. Но особенность издания этим не исчерпывается. Есть по крайней мере еще две причины считать его новаторским: 1) в то время как во всех ранее выходивших за рубежом энциклопедиях речь шла о буддизме в целом, наше издание посвящено философскому кредо буддизма, представленному через категории, понятия, концепции, персоналии, тексты; 2) труд не случайно назван энциклопедией, а не словарем. Дело не только в том, что его статьи носят довольно обстоятельный, развернутый характер по сравнению с обычным объемом словарных статей. Причина тому более существенна: предпринята попытка представить буддийскую философию в многообразии ее культурного бытования, позволяющего говорить о существовании буддийской цивилизации» (с. 14).

Чтобы по достоинству оценить результаты осуществления такого фундаментального замысла, важно учитывать то обстоятельство, что национальные линии развития буддийской философской мысли исторически формировались за пределами Южноазиатского субконтинента путем перевода индийских произведений на местные языки, составления комментариев к ним и последующего создания оригинальных сочинений. Определенное отличие в этом процессе было свойственно лишь буддийской культурной традиции ряда стран Юго-Восточной Азии, где получили преимущественное распространение индийские канонические произведения на языке пали. В ходе укоренения буддизма в этих странах данный язык приобрел статус лингвистического инструмента буддийской учености, и философия как форма духовной деятельности общества первоначально развивалась там именно на языке пали. Задача полномасштабного изучения философского пласта в национальном письменном наследии буддийских народов Азиатско-Тихоокеанского региона еще далеко не решена в современной науке, причем не только в отечественной, но и в мировой. И именно в силу этого до сих пор не предпринимались попытки создания специализированных энциклопедий, посвященных философии буддизма.

Другое не менее серьезное затруднение состоит в вопросе о понятийно-терминологиче-

ском аппарате буддийской философии. Ее смыслообразующие категории не являются специфически философскими, о чем свидетельствует их функционирование не только в теоретическом, но и в религиозном дискурсе. Собственно философское содержание буддийского понятийно-терминологического аппарата, связанное с логико-дискурсивным, т.е. строгим, определением предметной области значения каждого термина, раскрывается лишь по мере выявления и анализа тех теоретических концепций, которыми оперировали школьные традиции. В данном аспекте даже составление словаря собственно философской буддийской терминологии является в высшей степени сложной методологической проблемой.

В составе буддизма как традиционной идеологии, исторически институционализированной в целом ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, вполне возможно аналитически отделить так называемую «народную религию» (популярный буддизм) от религиозно-философской традиции, как это было впервые сделано в монографии одного из классиков отечественной буддологии О.О. Розенберга «Проблемы буддийской философии» (1918). Но очертить философское кредо буддизма, абстрагируясь от религиозной аксиоматики, едва ли удастся. А поэтому тот факт, что издание «Философия буддизма» является во многом и справочником по буддизму, кажется нам вполне закономерным.

Хочется в первую очередь отметить продуманную архитектуру рецензируемого издания. Массиву словарных статей, упорядоченных в соответствии с русским алфавитом, предпосланы два введения — «Буддизм и философия» (автор — В.Г. Лысенко) и «Буддизм в глобальную эпоху» (автор — А.С. Агаджанян). А за словарными статьями следует значительный по объему раздел, посвященный описанию национальных социокультурных форм буддизма, сложившихся за пределами Южноазиатского субконтинента.

Имеются в энциклопедии и превосходно подготовленные редакторами издательской фирмы «Восточная литература» — С.М. Анискиной, Р.И. Котовой, О.В. Мажидовой, М.А. Унке, а также Л.Б. Кареловой (Институт философии РАН) указатели имен, произведений и терминов. В связи с этим необходимо сказать, что в современных зарубежных научно-спра-

вочных изданиях по буддизму уделяется значительное внимание теоретически обоснованной подготовке указателей, учитывающей лингвистический аспект истории распространения буддизма. Примером тому служит, в частности, “Dictionnaire Encyclopédique du Bouddhisme”, составленный современным представителем франко-бельгийской буддологической школы Ф. Корню (Philippe Cornu). Указатели, в которых содержатся мультилингвистические терминологические соответствия, выступают важнейшим подспорьем как в работе с научно-справочным изданием, так и в изучении буддийского письменного наследия. В этом отношении труд, выполненный составителями указателей, имеет самостоятельную научную ценность для дальнейшего развития российской буддологии.

Об уровне репрезентативности историко-философского материала и подходах к его освещению в рецензируемом издании необходимо судить с учетом позиции его редакционной коллегии во главе с М.Т. Степанянц. «В этом труде, — указано в предисловии ответственного редактора, — отражено реальное состояние отечественного изучения буддизма: отсюда отсутствие статей, посвященных некоторым важным сутрам, понятиям, персоналиям и т.д. <...> В данной энциклопедии мы намеренно не унифицировали переводы терминов и названий произведений и сохранили различия, нередко принципиальные, в оценках и методологических подходах исследователей. Это не умаляет достижений российской буддологии, а скорее говорит о свободном духе ее современного развития» (с. 17–18).

На наш взгляд, преднамеренный отказ от унификации переводов терминов — отдельная заслуга редакционной коллегии энциклопедии. Для подобного рода унификации в современной отечественной буддологии еще не сложились сколько-нибудь серьезные предпосылки. А кроме того, выполнение комментированных переводов не изучавшихся прежде философских произведений способствует появлению новых, более адекватных русских эквивалентов оригинальной буддийской терминологии.

Другое дело — названия произведений. Думается, в данной энциклопедии было бы лучше вообще оставить их без перевода, и на это имеются научные основания. Источниковедам-буддологам хорошо известно, что в состав названий индийских произведений не-

редко бывают включены наименования жанров — *сутра*, *шаstra*, *бхашья*, *коша*, *аламкара*, *дипа*, *хридая*, *панджика* и т.д. Далеко не каждый жанр индийской и в том числе буддийской теоретической литературы имеет типологический аналог в европейской жанровой номенклатуре. В том случае, когда такое соответствие выявляется, перевод наименования индийского жанра желателен. Так, *коша* — это «энциклопедия» или «толковый словарь», *шаstra* — «трактат». Но такой, к примеру, жанр индийской комментаторской литературы, как *аламкара*, представляющий собой тонкую («ювелирную») аналитическую детализацию предмета комментирования, не имеет аналога в европейской литературе. А поэтому и не следует пытаться передавать его средствами русского языка. Особенно неудачно это получается, если переводчик руководствуется первым словарным значением. В результате рождается нечто абсурдное, подобно «Украшению из постижений», прилепленному в энциклопедии «Философия буддизма» к «Абхисама-аланкаре» (с. 76). Подобное «украшательство» акад. В.М. Алексеев (1881–1951) саркастически называл «нудным лиризмом».

Не менее «лирично» выглядит в «Философии буддизма» и трактат «Абхидхармакоша», фигурирующий в одноименной словарной статье под названием «Сокровищница Абхидхармы» (с. 66). Не спорим, по богатству историко-философского материала это обширнейшее произведение Васубандху — подлинная сокровищница. Но по жанровой принадлежности, обозначенной его автором, «Абхидхармакоша» является энциклопедией, а не неким депозитарием. Какой смысл воспроизводить устаревший в научном отношении перевод названия?

Во избежание подобных огрехов, возвращающих отечественную буддологию в позапрошлый век, более оправданным было бы воздержаться от перевода, а не мультиплицировать безнадежно антиквированную этимологию оригинальных технических терминов. И позитивный опыт в этом направлении уже накоплен — ведь никому из отечественных ученых-буддологов не приходит в голову этимологически интерпретировать термин «сутра» и переводить его словами «нить» или «волокно».

Что же касается отражения в рецензируемом издании реального состояния отечественного изучения буддизма, то правомерно

РЕЦЕНЗИИ

было бы говорить не обо всей российской буддологии, а только об авторском коллективе энциклопедии «Философия буддизма». Абсолютное большинство словарных статей написаны на высоком теоретическом уровне. С замечательной полнотой представлена в энциклопедии японская социокультурная форма буддизма. Очень хороши словарные статьи, написанные московской индианисткой Н.А. Канаевой. Буквально в каждой из них присутствует глубокое знание буддийских письменных памятников, органично соединенное с продуманной отточенностью и строгостью философских формулировок. Не желая быть голословными, укажем хотя бы на такую блистательную статью Н.А. Канаевой, как «Дигнага» (с. 287–293), в которой очень непростые концепции буддийской науки логики изложены с учетом историко-культурного контекста раннесредневековой Индии и точек зрения современных зарубежных ученых.

Порадовала и словарная статья «Гухьясамаджа-тантра» (с. 248–250), написанная В.П. Ивановым, единственным из сотрудников ИВР РАН, включенным в состав авторского коллектива рецензируемого издания. В ней емко и с должной степенью анализа охарактеризовано содержание одного из сложнейших буддийских произведений. Свойственная В.П. Иванову, сравнительно молодому индианисту-санскритологу, высокая научная культура проявилась, в частности, и в том, что его статья снабжена наряду со списком литературы указанием научного издания памятника. Подобные значимые сведения, к сожалению, нечасто приводятся на страницах энциклопедии «Философия буддизма».

Отсутствие словарных статей о ряде важных в историко-философском отношении произведений, например о комментаторском трактате Яшомитры (IX в.) «Спхугартха-абхидхармакоша-вьякхья», уникальном письменном памятнике буддийской школы *саутрантика*, невозможно считать свидетельством реального состояния российской буддологии. Лакуны такого рода, скорее, обусловлены упущениями в составлении словника энциклопедии.

Некоторые вопросы концептуального характера возникают при ознакомлении с первой вводной статьей — «Буддизм и философия». Очень интересная в целом, она включает такие необходимые рубрики, как «Возникновение и распространение буддизма», «Периодизация истории буддизма», «Буддийская

литература», «Статус философии в буддизме», «Учение Будды». Однако очерк буддийской литературы написан без должного учета исторических этапов ее кодификации. Невозможно согласиться с автором статьи в том, что «приверженность буддийской вере вообще не ассоциируется с культом текста» (с. 28). Развивая такую неожиданную для буддологического источниковедения мысль, В.Г. Лысенко пишет: «Даже неграмотный христианин знает о существовании Библии. Неграмотный же буддист может довольствоваться наставлениями местного монаха» (там же). Эта категоричная риторика призвана иллюстрировать тезис: «Каждая буддийская школа располагает собственным набором авторитетных текстов, который может частично совпадать или не иметь ничего общего с авторитетными текстами („канонами“ их можно называть только условно) других школ» (там же).

Хочется спросить — какую научную цель преследует подобное упрощение истории буддизма как мировой религии, базирующейся на единой религиозной аксиоматике и огромном массиве текстов? Действительно, авторитетные, или «корневые», тексты имелись в традиции каждой буддийской школы. Но это не отменяет прослеживающихся в истории буддизма этапов кодификации общих смыслообразующих текстов и появления собраний канонизированных произведений сначала в Индии, а позднее в Китае и Тибете. Как показывают палеографические исследования, кодификация текстов на санскрите, языке пали и пракрите гандхари началась на Южноазиатском субконтиненте почти синхронно в традициях различных школ. Типитака, собрание канонических текстов школы *мхеравада* на языке пали, известная в оригинале полностью, в значительной степени корреспондирует с санскритской Трипитакой, тексты которой, созданные в традициях школ *муласарвастивада* и *сарвастивада*, дошли до настоящего времени в переводах на китайский и тибетский языки и в оригинальных фрагментах, содержащихся в рукописях из Центральной Азии, северо-запада Индии и в уникальном манускрипте из Мервского оазиса (совр. Туркменистан, г. Байрам-Али).

Тексты Трипитаки наряду с трактатами постканонической Абхидхармы и махаянскими сутрами в переводах вошли в состав собраний буддийских произведений, канонизированных в Китае и Тибете, и это хорошо известно в науке. Имеется в их составе и не-

большое число переводов палийских произведений из Типитаки. Спрашивается — зачем было китайским и тибетским ученым-буддистам формировать и неоднократно коллегиально редактировать объемистые своды канонической литературы, если каждая школа в истории буддизма довольствовалась только собственным набором авторитетных текстов?

Никакая крупная религиозно-идеологическая традиция не функционирует, опираясь лишь на необразованных простецов и «местных монахов». Что же касается «приверженности буддийской вере», как, впрочем, и любой религиозной вере, то в размышлениях о культе текста необходимо не упускать из вида фундаментальный вопрос соотношения знания и веры. Эта проблема имеет глубокие корни в истории теологической мысли. И если уж поднимать ее в контексте рассуждений об отношении к тексту в буддийской культуре, то придется апеллировать не к абстрактным «неграмотным буддистам», а к пласту адресованной мирянам дидактической литературы Индии, Китая и Тибета, в которой присутствует множество сюжетов о следствиях десакрализации текста — греховного бытового использования материала, на котором он записан, и прочих кощунственных действиях. Культ текста в среде простецов, способных даже правильно запомнить его название, до сих пор фиксируется антропологами, изучающими живую буддийскую традицию. Но это отдельная тема.

Аналитическое сравнение текстов Типитаки с оригинальными фрагментами и переводами Трипитаки образует в настоящее время мощную ветвь буддологических исследований, в том числе российских. Игнорировать их результаты ради рассуждений об отсутствии в буддизме типологического аналога Библии — контрпродуктивный путь, ведущий к тривиальным поверхностным интерпретациям истории буддизма в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

В связи с вопросом об этапе кодификации буддийской литературы нельзя не сказать и о том недоумении, которое вызывает статья «Трипитака» (с. 699), все содержание которой исчерпывается словами: «см. Типитака (Трипитака)». Следуя по ссылке, мы не обнаружили в статье «Типитака» (автор — В.К. Шохин) никаких иных сведений о «Трипитаке», кроме невразумительного утверждения: «Отдельные компоненты Т. на различных инд. языках, в т.ч. на санскрите и гибридном сан-

скрите, а также ср.-инд. языках, сохранились в преданиях мн. школ раннего буддизма» (с. 680). Как это следует понимать читателю? Какие такие «предания» имеются в виду?

Не приходится удивляться, что тот же автор в упомянутой выше словарной статье «Абхидхармакоша» аттестует данный письменный памятник как «своеобразную полемич. антологию, в к-рой суммируются позиции разных школ...» (с. 66), хотя на деле трактат Васубандху содержит полное логико-дискурсивное разъяснение понятийно-терминологического аппарата и концептуального инвентаря, содержащихся в философских произведениях санскритской Трипитаки.

Есть в этой статье и досадная двусмысленность. В частности, говорится, что «Абхидхармакоша дошла до нас на языке оригинала» (с. 67), хотя санскритский оригинал трактата обнаружился только в 1935 г. Если бы он был известен науке до того времени, какой бы смысл имела инициированная Ф.И. Щербатским разработка международного научного проекта по изданию и переводу двух китайских и тибетской версий этого произведения в совокупности с упомянутым выше санскритским комментарием Яшомитры? Разве стали бы лучшие ученые-буддологи первой трети XX в. — Л. де ла Валле Пуссен, С. Леви, У. Огихара, О.О. Розенберг, да и сам Ф.И. Щербатский заниматься всей этой трудоемкой работой, имея в наличии санскритский оригинал? Именно его они изучили бы, издали и перевели на европейские языки.

Ничего не говорится в статье ни об этом международном проекте, ни о научных причинах, побудивших великих предшественников к изучению «Абхидхармакоши», ни о первом издании ее санскритского оригинала, осуществленном в 1967 г. П. Прадханом. По непонятной причине воздержался В.К. Шохин и от сообщения читателю того факта, что именно «Абхидхармакоша» положена в основу монографии О.О. Розенберга «Проблемы буддийской философии», с которой и началось развитие историко-философских исследований в буддологии. Можно было бы написать добротную и не столь длинную словарную статью, раскрывающую суть предмета, но не получилось.

Явно неудачной выглядит и небольшая статья «Буддология» (автор — В.П. Андронов), преимущественно посвященная отечественной буддологической школе. С первых ее строк автор вводит читателя в заблуждение,

РЕЦЕНЗИИ

утверждая, что буддология «в рос. востоковедении с 1930–1950-х — вся область научных исследований о различных сторонах и аспектах буддизма» (с. 181). Не вступая в спор о степени содержательности данного определения, необходимо отметить вопиющую несуразность указанных хронологических рамок. Термин «буддология» использовался в российском классическом востоковедении задолго до 1930-х годов, и это общеизвестно. В период с 1930-х до 1950-х годов буддологические исследования были вытеснены на дальнюю периферию отечественной ориенталистики, и термин «буддология» начиная с 1937 г. использовался крайне редко.

В описании процесса пополнения отечественных буддийских коллекций в досоветский период расставлены ничем не оправданные оценочные акценты. В частности, говорится, что памятники буддийской культуры поступали в российские коллекционные фонды благодаря «подвижничеству рос. дипломатов и путешественников, особенно из бурят» (там же). Разумеется, российские путешественники бурятского происхождения, например Б.Б. Барадийн, внесли немалый вклад в обогащение отечественных буддийских коллекций. Но общеизвестно, что отнюдь не меньшие результаты дали научные экспедиции М.М. Березовского, Д.А. Клеменца, П.К. Козлова, С.Ф. Ольденбурга. Ради чего же походя искажать историческую ретроспективу российской научно-экспедиционной деятельности досоветского периода?

В качестве центра коллекционирования буддийских манускриптов в статье упоминается Императорская Публичная библиотека, но ни слова не говорится об Азиатском музее РАН, хотя именно это учреждение являлось основным древлехранилищем восточных, в том числе буддийских, рукописей и старопечатных изданий. Не хочется гадать, чем, кроме неосведомленности автора статьи, может объясняться такое неоправданное замалчивание роли Азиатского музея в становлении российской буддологии.

Название основанной по инициативе С.Ф. Ольденбурга научно-издательской серии РАН “*Bibliotheca Buddhica*” фигурирует в статье в кириллической транскрипции — «Библиотека Буддика», причем дается в качестве основного. Аутентичное латинское наименование по непонятной причине приведено в скобках, да еще и с орфографической ошибкой в слове «*bibliotheca*» (там же). С точки

зрения научной культуры это неприемлемо.

Неадекватно характеризуются и персоналии отечественной науки. Говоря о смене поколений в российской буддологии, автор статьи преподносит читателю такое оценочное суждение: «Лучшими из специалистов следующего поколения следует признать С.Ф. Ольденбурга... и Ф.И. Щербатского» (там же). Подобная оценка со стороны автора статьи совершенно не требуется, тем более что и С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатский получили прижизненное международное признание. Оба они были действительными членами РАН и вошли в историю отечественного востоковедения как основоположники Санкт-Петербургской (Ленинградской) буддологической школы.

Столь же некорректно охарактеризованы ученики Ф.И. Щербатского. О.О. Розенберг (1888–1919), прославленный автор «Проблемы буддийской философии», именуется в статье «буддологом-японистом» без каких-либо иных пояснений (с. 182). А.И. Востриков (1904–1937), автор фундаментального труда «Тибетская историческая литература», определяется как «знарок буддийской логики, тибетской канонической и постканонической литературы» (там же). Е.Е. Обермиллер (1901–1935) — как санскритолог и тибетолог, «специализировавшийся по сутрам и трактатам ранней махаяны» (там же), хотя область его исследований была иной и для изучения буддийской философии он сделал немало. Б.В. Семичов (1900–1981) предстает в статье «бывшим узником ГУЛАГа», который «преподавал тибетологию в Улан-Удэ» (там же). А то, что Б.В. Семичов перевел с тибетского языка четыре раздела «Абхидхармакоши», разве неважно? Ни М.И. Тубянский (1893–1937), ни М.С. Троицкий (1901–?) не упоминаются вовсе.

О судьбах этих немногочисленных персоналий говорится в недопустимом «статистическом» стиле: «Однако при советской власти в 1930-е большинство учеников Ф.И. Щербатского подверглись репрессиям (многие из них были убиты или умерли в лагерях), и т.о. рус. буддологич. школа была фактически разгромлена» (там же).

Действительно, жизненные пути учеников Ф.И. Щербатского отмечены трагизмом. О.О. Розенберг умер в голодном 1919 г. от болезни сердца на пути в эмиграцию. Е.Е. Обермиллера свел в могилу в 1934 г. тяжкий наследственный недуг. А.И. Востриков и М.И. Тубянский были казнены по неправо-

РЕЦЕНЗИИ

судным приговорам в 1937 г. и реабилитированы посмертно. Не дожидаясь реабилитации, состоявшейся только в 1989 г., и Б.В. Семи-чов. Судьба М.С. Троицкого, арестованного в 1937 г., остается до сих пор не выясненной. Разумеется, ввиду небольшого объема словарной статьи «Буддология» невозможно дать эти конкретные сведения о персоналиях. Но лучше вовсе не писать об учениках Ф.И. Щербатского, чем делать это в оскорбительных терминах «большинство» и «многие».

О Ю.Н. Рерихе в статье говорится как о «вернувшемся из эмиграции» (там же). Это недопустимая ошибка. Ни один из членов семьи Рерихов, проживавшей за рубежом, не позиционировал себя в качестве эмигранта, т.е. принципиально не обзаводился так назы-

ваемым нансеновским паспортом, и данный факт широко известен.

Можно было бы и далее перечислять несообразности этой злополучной статьи, но не хочется. Никакие частные огрехи и упущения не уменьшают ценности того замечательного научного вклада, которым является создание энциклопедии «Философия буддизма». Этот беспрецедентный труд несомненно послужит путеводным ориентиром для молодого поколения российских исследователей, связавших свою профессиональную деятельность с изучением буддийского философского наследия.

*М.И. Воробьева-Десятовская,
Е.П. Островская*

IN MEMORIAM

Анаит Георгиевна Периханян

27 мая 2012 г. не стало Анаит Георгиевны Периханян — доктора исторических наук, известного ученого, многолетнего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (ныне — Института восточных рукописей) РАН.

Анаит Георгиевна Периханян родилась 24 апреля 1928 г. в Москве. Ее мать, Арусяк Ивановна, была врачом, отец, Георгий Никитич, — инженером. В 1932 г. Георгий Никитич был назначен директором Севано-Разданского каскада электростанций, после чего семья переехала в Ереван. В Ереване Анаит Георгиевна окончила среднюю школу и с 1945 по 1948 г. училась на историческом факультете Ереванского государственного университета. В 1948 г. она перевелась на исторический факультет ЛГУ (античное отделение), который закончила в 1951 г. После окончания университета с 1953 по 1955 г. А.Г. Периханян училась в аспирантуре в Государственном Эрмитаже под руководством чл.-корр. АН СССР К.В. Тревер. В октябре 1956 г., после защиты кандидатской диссертации, А.Г. Периханян была зачислена на должность научного сотрудника Института востоковедения в Москве. В феврале 1959 г. перешла в Ленинградское отделение Института востоковедения, где работала в должности научного сотрудника в секторе Древнего Востока (группа древневосточной филологии) до 1998 г.

А.Г. Периханян — автор пяти монографий и около 50 статей, напечатанных в ведущих научных журналах: «Вестник древней истории» (Москва), «Историко-филологический журнал» (Ереван), «Revue des études arméniennes» (Paris), «Orientalia Suecana» (Uppsala), «Acta Orientalia» (Copenhagen).

К области обширных научных интересов Анаит Георгиевны относятся история, социально-экономические отношения, юриспруденция и право древнего и средневекового Ирана и Армении, эпиграфика Малой Азии и Среднего Востока, армянский язык, среднеиранские языки, вопросы сравнительного индоевропейского языкознания.

Материалы кандидатской диссертации А.Г. Периханян — «Социально-экономическое значение храмовых объединений Малой Азии и Армении в IV в. до н.э. — III в. н.э.» были положены в основу монографии «Храмовые объединения Малой Азии и Армении в IV в. до н.э. — III в. н.э.», в которой анализировались многообразные формы храмовых общин, их историческое развитие и политический статус в рабовладельческих государствах, в которые они входили.

К числу важнейших работ, посвященных обществу и праву, относится издание текста Сасанидского Судебника (Ереван, 1973), рекомендованное Ученым советом Института к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук (защита состоялась в декабре 1974 г.). Эта работа Анаит Георгиевны была переведена на английский язык и опубликована в США (Farraxvmar̄t ī Vahrāmān. *The Book of a Thousand Judgements: A Sasanian Law-Book*. Costa-Mesa, 1997 / *Bibliotheca Persica. Persian Heritage Series*, 39. *Columbia Lectures on Iranian Studies*, 9). На основе Судебника, других среднеперсидских (пехлевийских) юридических текстов и иных документов из Ирана и сопредельных областей А.Г. Периханян написала монографию «Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды», которая является первым в научной литературе исследованием социальных и правовых институтов в Иране II в. до н.э. — VII в. н.э. Древнеиранское право по своему значению не уступает римскому праву: оно оказало огромное влияние на правовые институты всех стран средневекового Востока. Анаит Георгиевна была признанным специалистом в этой области — не случайно именно ей было поручено написать для Кембриджской истории Ирана раздел “Iranian Society and Law” (*The Cambridge History of Iran*. Vol. III (2). Cambridge, 1983. Chapter 18. P. 627–680).

Несколько статей А.Г. Периханян посвящены эпиграфике, а именно прочтению арамейских надписей, для расшифровки которых требуется особая эрудиция и разносторонняя подготовка. Анаит Георгиевна опубликовала следующие арамейские надписи, обнаруженные на территории Армении: надпись на серебряной чаше из Сисиана, надпись из Зангезура (Сивника) и из Гарни. Особо следует отметить статью «Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина» (*Вестник древней истории*. 1961, № 3. С. 78–93). Эта статья содержит издание 14 крайне плохо сохранившихся фрагментов папирусов из собрания В.С. Голенищева, написанных исключительно трудным для чтения курсивом. Это письма представителей персидской администрации или их агентов, а также обрывки хозяйственных записей периода сасанидской оккупации Египта (619–629), показывающие, насколько значительным было влияние персидских чиновников на жизнь Египта.

Изобретению армянской письменности, до сих пор остающемуся предметом научных споров, посвящена статья А.Г. Периханян «К вопросу о происхождении армянской письменности» (*Переднеазиатский сборник*. Т. II. М., 1966. С. 103–133). Скрупулезно проанализировав графические системы, она выявила принципиальные истоки и показала динамику развития армянского письма. По мнению Анаит Георгиевны, в основе письменности, изобретенной в конце IV — начале V в. Месропом Маштоцем, лежит принцип греческого фонетического письма, а образцом для нее послужил вариант северомесопотамского арамейского письма, бывшего в ходу в дохристианской Армении.

В круг интересов А.Г. Периханян входила и история востоковедения: так, ею был написан очерк об академике К.Г. Залемане, посвященный его биографии и тщательному анализу его работ (*Очерки по истории русского востоковедения*. Вып. IV. М., 1959. С. 79–115), для написания которого А.Г. Периханян досконально изучила фонд К.Г. Залемана, хранящийся в Архиве РАН.

Другая важная область интересов Анаит Георгиевны — исследование армянской лексики. Она написала несколько статей, посвященных этимологии армянских слов, и успела опубликовать первую часть задуманных ею «Материалов к этимологическому словарю древнеармянского языка» (Ереван, 1993). В этой работе устанавливается наличие в армянском языке пласта заимствований из среднемидийского (конец V — начало II в. до н.э.) и выявляются некоторые характерные черты этого языка.

IN MEMORIAM

Работы А.Г. Периханян в данной области могут служить дополнением к шеститомному академическому «Этимологическому корневому словарю армянского языка» Р. Ачаряна, опубликованному в Ереване в 1927–1932 гг. (на армянском языке).

А.Г. Периханян пользовалась исключительным авторитетом в области сравнительного иранского языкознания, ее труды высоко ценили иностранные коллеги — В.Б. Хеннинг (1908–1967), Ж. де Менаш (1902–1973), Д.Н. Мак-Кензи (1926–2001), с которым она издала среднеперсидский текст брачного контракта (K.R. Sama Oriental Institute Jubilee Volume. Bombay, 1969. P. 103–112), Г.С. Нюберг (1889–1974). Ей принадлежит немало среднеперсидских этимологий, которые были приняты и высоко оценены иранистами. Некоторые из этих этимологий включены Г.С. Нюбергом в его Глоссарий (A Manual of Pahlavi. Part II: Glossary. Wiesbaden, 1974) с замечаниями, что ее этимологии, названные «the short but masterly analysis», «elucidated in the most brilliant way», сделаны «once and for all».

В начале 1990-х годов Анаит Георгиевна была приглашена для чтения лекций по иранскому праву в Центр Иранских исследований Колумбийского университета (США). В течение двух лет (2001–2002) она преподавала древнеармянский (грабар) на Специальном Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, и студенты высоко оценивали не только ее знания, но и методику преподавания.

А.Г. Периханян была избрана членом международной научной ассоциации *Corpus Inscriptionum Iranicarum* в Лондоне. За публикацию материалов к армянскому этимологическому словарю она была удостоена звания почетного академика Французской академии наук.

Анаит Георгиевна обладала острым, сильным умом. Она была прекрасно образована, очень начитанна, имела широкий культурный кругозор, хорошо знала художественную литературу, понимала и любила классическую музыку. Помимо армянского, древнего и современного, она отлично знала европейские языки, в том числе итальянский, а на французском свободно писала научные статьи. Анаит Георгиевна обладала исключительно независимым характером. Она была очень порядочным, принципиальным и требовательным человеком, максималистом, не идущим на компромиссы ни в научных, ни в житейских вопросах, и никогда не изменяла своим убеждениям. Общаться с Анаит Георгиевной было непросто, но те немногие, кому удавалось поддерживать с ней отношения, отмечали ее радушие, особое восточное гостеприимство, необыкновенные кулинарные способности.

Последние годы А.Г. Периханян тяжело болела, однако при малейшей возможности обращалась к научным вопросам, которые ее занимали. Ее последняя статья — «К вопросу о происхождении павликианства» — была опубликована в «Письменных памятниках Востока» в 2011 г. (№ 2(15)).

Научное наследие А.Г. Периханян, возможно, незначительно по количеству (как она сама говорила, «научные труды не измеряются килограммами и километрами»), но оно значительно по качеству. Анаит Георгиевна занималась самыми разными проблемами, привлекая для своих исследований источники на различных языках — чего стоит одно издание сложнейшего текста Сасанидского Судебника, написанного на сложнейшем вымершем языке! Издание подобных текстов — работа чрезвычайно трудоемкая и кропотливая, и эту работу Анаит Георгиевна — как, впрочем, и любую другую — выполняла исключительно профессионально, скрупулезно и тщательно. А.Г. Периханян была редким специалистом с отличной подготовкой, огромной эрудицией и обширными познаниями. Авторитет ее научных трудов послужит ей отличной памятью.

Те, кто ее знал, испытал ее влияние, ценил и уважал, Анаит Георгиевну не забудут.

О.М. Чунакова

АВТОРЫ ШИВ-17

- Аракава Синтаро** — д.ф.н., профессор научно-исследовательского Института языков и литературы Азии и Африки, Токийский университет иностранных наук
- Богданов Кирилл Михайлович** — м.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН
- Болтач Юлия Владимировна** — к.и.н., н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Бурмистров Сергей Леонидович** — д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Воробьева-Десятовская Маргарита Иосифовна** — д.и.н., зав. Сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Герасимов Игорь Вячеславович** — к.ф.н., доцент кафедры истории Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ
- Иванов Владимир Павлович** — к.ф.н., н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Иоаннесян Юлий Аркадьевич** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Кабанов Александр Михайлович** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Каплан Голда Хаимовна** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Кукеев Дорджи Геннадьевич** — к.и.н., н.с. Отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
- Кульганек Ирина Владимировна** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Кычанов Евгений Иванович** — д.и.н., профессор, гл.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Маранджян Карина Генриховна** — к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Марахонова Светлана Ивановна** — к.и.н., м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Мусаев Махач Абдулаевич** — к.и.н., зав. Отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
- Мусаэян Жаклина Суреновна** — к.ф.н., н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Островская Елена Петровна** — д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Пан Татьяна Александровна** — к.и.н., зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН
- Попова Ирина Федоровна** — д.и.н., директор ИВР РАН
- Теплюк Павел Сергеевич** — аспирант Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Хосроев Александр Леонович** — д.и.н., в.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Чунакова Ольга Михайловна** — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Чехович Надежда Олеговна** — м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Шелестин Владимир Юрьевич** — аспирант кафедры древних и средневековых цивилизаций исторического факультета ГАУГН
- Шихалиев Шамиль Шихалиевич** — к.и.н., зав. Сектором восточных рукописей Отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
- Щеглова Олимпиада Павловна** — д.и.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Юлгушева Адиля Халиловна** — ст. лаборант Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Юсупова Зара Алиевна** — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

Организации и учреждения РАН, а также их сотрудники могут приобрести очередные номера журнала в Издательской фирме «Восточная литература», указав в заявках свои реквизиты.

Просим направлять свои заказы и письма по адресу:

127051, Москва, Цветной бульвар, д. 21, стр. 2, тел.: (495) 625 47 25, факс: (495) 621 95 48,
e-mail: vostlit@gmail.com

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 127051, Москва, Цветной бульвар, 21 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 08.04.2013. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 29,7

Усл. кр.-отт. 31,0. Уч.-изд. л. 35,2. Тираж 500 экз. Изд. № 8517. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6